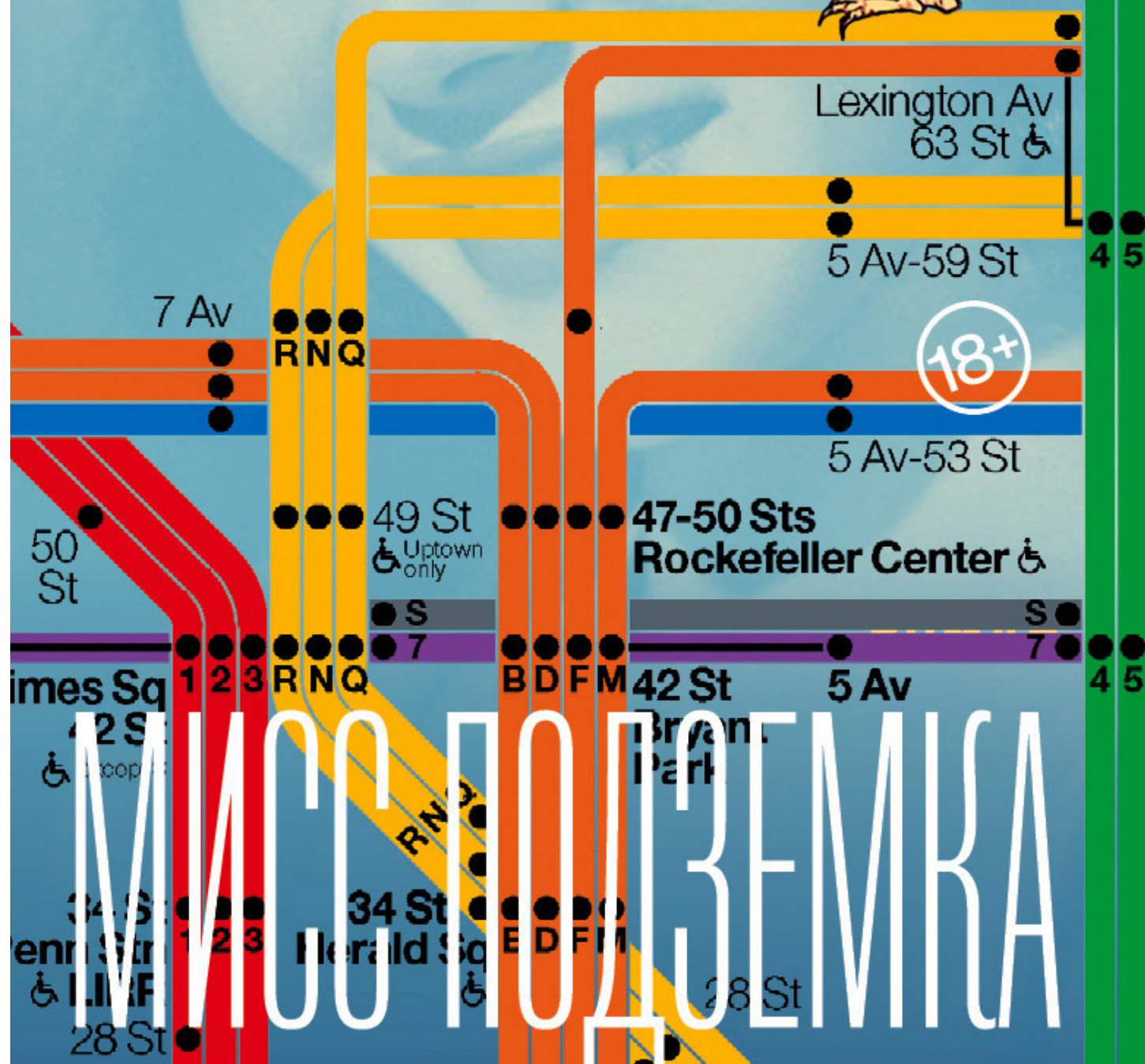

ДЭВИД ДУХОВНЫ

ДЭВИД ДУХОВНЫ
Мисс Подземка

«Фантом Пресс»

2018

УДК 82-31
ББК 84(7)

Духовны Д.

Мисс Подземка / Д. Духовны — «Фантом Пресс», 2018

ISBN 978-5-86471-812-4

Эмер – обычная жительница Нью-Йорка, по городу она перемещается на метро, покупает мороженое в лавочке на углу, преподает первоклашкам, но хотела бы стать писательницей. А еще у нее есть любимый мужчина, его зовут Кон. Но путь, которым она движется, – единственный ли жизненный путь? Дэвид Духовны, вдохновляясь древнеирландской легендой о герое Кухулине и его возлюбленной Эмер, населяет свой причудливый и жутковатый роман самыми разнообразными знаменитостями из мифологических пантеонов со всего света. «Мисс Подземка» – головокружительное любовное приключение в параллельных пространствах и временах, где Эмер предстоит сразиться с силами природными и сверхъестественными и отыскать собственный голос, личную силу и судьбу. Сказка о любви утраченной и обретенной, «Мисс Подземка» – еще и пылкое любовное послание неподражаемому Нью-Йорку.

УДК 82-31

ББК 84(7)

ISBN 978-5-86471-812-4

© Духовны Д., 2018
© Фантом Пресс, 2018

Содержание

Часть первая	6
Эмер	6
Кухулин Констанс	11
Rain наш насущный даждь нам днесь[28]	15
Ананси	19
Хесус и другие знакомые чужаки[49]	23
Иззи	25
Юнона	28
Сиды	30
Часть вторая	38
Эмер-II	38
Святая Маргарита (Антиохийская)	40
Джимми Ганвейл	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дэвид Духовны Мисс Подземка

Моей матери, бравшей меня в первые поездки на метро в Музей естественной истории; там, где хотели бы, мы оказывались едва ли, но кто знал, что очутимся здесь? Наверное, в этом все дело. Любопытство и неискушенность научили нас ценить не пункт назначения, а поездку. Костям тираннозавра – за то, что они стали таким вот пунктом назначения среди грёз/кошмаров. Мэделин Уэст и всем бывшим и будущим Мисс Подземка – не сходите с поезда, пейзаж переменится. Тебя это касается тоже, Кид Миллер, ты в некотором будущем, возможно, станешь думать об Uber, как я пишу о метро. И Нью-Йорку, месту моего рождения. Однажды я оставлю тебя, но пока нет, не теперь.

*Из Царства-под-Волной она явилась
И в грёзы облеклась, чтоб он сверкнул
В ее корзине. Сиды ведь рыбацки:
Мужчин в два счета ловят на крючок,
А грёзы им – наживка.*

У. Б. Йейтс,
“Единственная ревность Эмер”¹

MISS SUBWAYS:
A Novel by David Duchovny

Copyright © 2018 by King Baby, Inc.

Published by arrangement with Farrar, Straus and Giroux, New York

Художественное оформление Андрея Бондаренко

© Ш. Мартынова, перевод на русский язык, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© «Фантом Пресс», издание, 2019

¹ Пер. А. Блейз.

Часть первая

Даже сейчас, бывает, я в метро поднимаю взгляд на рекламу, закрываю глаза, а там – Мисс Подземка. Пусть и не самая красивая девушка на свете – зато наша.

Эд Коч²

Эмер

В 18:37 20 марта Эмер Ганвейл сидела в поезде линии МСП³ на Лексингтон-авеню глубоко под Манхэттенем, поезд несся в будущее, но, есть надежда, с остановкой на Девяносто шестой улице. Эмер старательно отводила взгляд от мужчин. Красивой она себя не считала, но кое-каким мужчинам кое-что иногда в ней нравилось. Кое-что. Иногда. Кое-каким. Будто она – один сплошной анекдот. Сине-зеленое преломление у нее в глазах эдакой обворожительной, вселенской, непринужденной меланхолии, словно она смотрит на все издали, с чуть ироничной отстраненностью. Баловалась йогой, иногда забиралась на “ИстэйрМастер”⁴ или велотренажер; ньюйоркчанка.

Здесь, в условном плену вагона метро, казалось, что мужская неотвязная потребность беспардонно пялиться на женщин превращается в жутковатую игру в гляделки. Бедр вращо-пырку, облизываем губы, трахаем взглядом – утомляем. В обеззараживающем свете улицы эти мужчины себя так вести ни за что не стали бы, зато под землей, взаперти, они же прибегают к первобытным, чуть ли не тюремным ужимкам – проверяют, кто тут за главного. Прямо-таки подземный заповедник для крупной дичи, думала Эмер. Стэнфордский эксперимент здесь что ни день. Спасибо Джобсу за айфон, он втянул немало подземных странников в безобидную, зачарованную солипсическую грёзу, хотя подтолкнул некоторых добавлять к бездеятельным похотливым гляделкам настырное музыкальное сопровождение. Такая публика все равно что дети малые: думают, что раз они тебя не слышат, тебе их не видно.

Она рассмеялась от этой мысли и нечаянно встретила взглядом с гомункулом, облаченным в тонкую полосочку, напротив нее; он счел это знаком расположения к себе Эмер и развел бедра на ширину даже не одного или двух, а целых трех сидений. Этот антисоциальный жест – *менспрединг* на несколько сидений, пусть вроде как проветривается солидное “хозяйство” – стал на несколько месяцев в 2014 году поводом для настоящей одержимости городских СМИ, породил отдельное понятие и шестидневную культурную войну.

Эмер ощутила, как холодная капля пота высвобождается у нее в правой подмышке и устремляется вниз по ребрам до широты пупа. Манафортopodobный⁵ бедра-вращопырку в полосатом костюме – может, уолл-стритский, из верхнего одного или десяти процентов – выгнул брови и самую малость поддал тазом, достаточно неприметно, чтобы для общественности все осталось в пределах убедительного отрицания. Пробежал языком по губам. Гадость какая. Пошлятина. Дважды невезуха. Эмер непроизвольно поморщилась и жестом изобразила тошноту – так, наверное, машут распятием перед Дракулой.

² Эдвард Ирвин “Эд” Коч (1924–2013) – американский юрист, политик, кинокритик, телеведущий, бывший мэр Нью-Йорка (1978–1989).

³ МСП, “Межрайонные скоростные перевозки” – частная нью-йоркская компания, обеспечивавшая работу нескольких линий подземного и надземного скоростного транспорта с 1904 по 1940 год.

⁴ “StairMaster” (с 1983) – американская компания, производящая тренажеры.

⁵ Пол Джон Манафорт-мл. (р. 1949) – американский юрист, лоббист, политический консультант, руководитель избирательной кампании кандидата в президенты США Доналда Трампа в 2016 году.

Без книги Эмер оказывалась редко; ей близки были романисты XIX века – Джордж Элиот, Джейн Остен, Чарлз Диккенс, но в этот раз печатного материала под рукой не оказалось. Эмер обнаружила, что ей смотреть на экран смартфона или планшета в движущемся поезде нельзя – мутит и голова кружится, но, пусть и осознавая, что в переполненном вагоне рвота могла бы освободить ценное пространство, Эмер все же выбирала коротать время, читая надписи и рекламу наверху стен вокруг нее. С тех пор как выучилась этому, Эмер читала навязчиво – и даже перечитывала – упаковки из-под хлопьев, тюбики зубной пасты, рекламу в метро. Эмер была читателем. Это ее определяло. И вот теперь вперила взгляд гораздо выше коленей полосатого и читала, что могла разобрать.

Первая реклама, привлекая ее внимание, фирмы страховщиков-стервятников “Уошингтон, Либовиц и Гонсалес”, предлагала лотерейные призы за сокрушительные диагнозы: 5,3 миллиона долларов за отравление свинцом, 6,3 миллиона – за краснуху, 11,3 миллиона – за мезотелиому и так далее. Повторяющиеся три десятых показались слегка подозрительными. Как так вышло, что любая кошмарная трагедия, способная тебя настичь, стоит целое состояние и три сотни тысяч долларов в придачу? Эмер произвела в голове жуткую арифметику, с какой, по ее убеждению, мы все имеем дело, сталкиваясь с подобными Фаустовыми юридическими сценариями. 11,3 миллиона за мезотелиому... уф, нет, нет уж, я пас, а вот 6,3 за краснушечку? Может быть, может быть. Все лучше, чем работать. И вообще, краснуха – это как?

Рядом с “Уошингтоном, Либовицем и Гонсалесом” размещался плакат из серии “Ход мысли”, придуманной ГТУ⁶; в этой серии массам на время их, масс, перемещения предлагалась потеха в виде литературных и философских цитат.

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое.
*Франц Кафка*⁷

“Превращение” – один из ее любимейших рассказов. Она где-то читала, что Кафке не давались чтения этой его работы – его скручивало от приступов смеха. Невозмутимый юмор, порожденный непостижимым ужасом. Литературный эквивалент ее любимого комика актера Бастера Китона. Кафка – мрачный фантазер, чья безыскусная проза читалась как газетные байки из ада на земле. Эмер задумалась над тем, мудро ли вызывать призрак таракана, самый настоящий антиталисман Нью-Йорка, в сознании пассажиров метро, заточенных под землей – там, где уютнее, прямо скажем, паразитам, чем людям. Она видела, как тараканы размером с Нью-Джерси и крысы, каких впору седлать, играют на путях, будто хозяева этих мест, – как в постапокалиптическом диснеевском фильме.

Убивать ей не нравилось никого, она еще с колледжа была от случая к случаю нестрогой, незашоренной, стихийной вегетарианкой – прочла тогда “Диету новой Америки”⁸, – но для тараканов, мух и комаров делала исключение. (А также для очень хороших суси.) Некоторые насекомые заслуживают смерти. Эмер мимолетно задумалась о вирусе Зика и его скорбном урожае розовоголовых младенцев с поврежденным мозгом. У нее самой детей не завелось. Ей был сорок один год.

Мельком посмотрела вниз, проверить, чем там занят эль-нараспашку, и – блин, черт бы драл – встретила с ним глазами, не смогла скрыть, как суетливо и виновато поморщилась, и заметалась в поисках, что бы прочесть. Нервно обежав взглядом вагон, она удивилась, до чего свирепые и мстительные фантазии о расплате ее посетили. Ее внутренний судья и в мыслях

⁶ ГТУ, Городское транспортное управление (с 1968) – крупная транспортная компания, осуществляет перевозки в двенадцати округах на юго-западе штата Нью-Йорк и в двух округах на юго-западе штата Коннектикут.

⁷ Перевод С. Апта

⁸ “Diet for New America” (1987) – американский бестселлер популяризатора вегетарианства Джона Роббинза.

никогда не имел оправдания – все как у Хаммурапи, око за око, с большим креном в поэтическую справедливость. Возмездие – в виде оскорбительных органов этого мужчины. *Ово* за око. В мыслях мелькнул незванный образ: причиндалы обидчика размазаны по третьему рельсу, под грохочущим поездом. Эмер за этот образ стало стыдно. Чуток жестковато все же. Может, нечто подобное порекомендовал бы драконище Джулиани⁹. Она потрянула головой, вспомнила деньки шепелявого, шипучего мэра-черепушки.

Эмер навела взгляд на следующий плакат – на нем, к ее удовольствию, красовалась новая участница состязания “Мисс Подземка”. Мисс Подземка? Правда, что ли? Эмер, так уж вышло, о том стародавнем конкурсе красоты знала все.

Там все было по-настоящему. Эмер читала про этот конкурс по программе урбанистики, которую проходила несколько лет назад в Хантер-колледже, – решила посещать там курсы время от времени, поскольку, перефразируя Дилана, если не занят рождением или учебой, занимаешься смертью¹⁰. Требования для участия в конкурсе были одновременно и мягкие, и трогательно патриархальные: претендентка “должна подходить по возрасту, быть жительницей Нью-Йорка и пользоваться подземкой”. 1941 год, между прочим. Но какими бы причудливыми ни казались ограничения, сам конкурс был прогрессивным, открытым любым расам и этносам, – таким еще не одно десятилетие не станет никакой другой американский конкурс красоты. Хотя и шут гороховый, но все же человек глубокий, бывший мэр Эд Коч однажды сказал: “Даже сейчас, бывает, я в метро поднимаю взгляд на рекламу, закрываю глаза – и там Мисс Подземка. Пусть и не самая красивая девушка на свете, зато наша”.

Размышления о более, казалось бы, невинном прошлом, когда кутерьма личной жизни у людей была, несомненно, такой же, однако фасад – то, как о внутреннем говорили на публике, – получался гораздо проще, а угадывать правила приличий было куда легче, навесили на Эмер сонливое тепло. Словно пунктирные объявления об эпилептическом припадке, мерцали огни. “Достоевский”, – пробормотала она про себя, будто этот еще один человек подземелья – талисман. Сама подземка подобна утробе, темной, гудящей, и Эмер, с трудом засыпавшая в постели по ночам, нередко задремывала сидя, в пути. Сон среди чужаков в людном вагоне нью-йоркской подземки – жест доверия, от которого и святой блаженно разрыдался бы.

Поезд содрогнулся от незапланированной остановки между станциями, погас свет. Все хором застонали. Вот красотища-то, забеспокоилась Эмер, я и так опаздываю. Кон хочет, чтобы я была при нем. Хочет, чтобы я была при нем, но хочет при этом и не видеть меня в упор. Как ребенок, мужчина-ребенок. Но это ничего. Это его час, его звездный час, а у нее по-прежнему имелось тайное желание, тайный внутренний замысел. Такие замыслы вынашиваются во младенчестве цивилизации – и в более примитивных уголках суеверного мозгового ствола, что находится под рациональным современным передним мозгом, как вода, бегущая под камнем. Скорее даже надежда, нежели замысел, желание, которым Эмер не делилась ни с кем, опасаясь, что ее высмеют как старомодную девушку.

Сейчас она даже слова у себя в уме не лепила. Думала только о победительницах конкурса “Мисс Подземка”. В июле 1946 года ею стала некая Энид Берковиц, чья биография, помещенная рядом с броским фото темноволосой еврейки, гласила: “Изучает искусства в Хантер-колледже, увлекается рекламой и дизайном костюма, нацеливается на звание бакалавра, но будет рада и званию миссис”.

Шаг вперед, полшага назад. В апреле 1948 года, за тридцать пять лет до коронации первой черной Мисс Америка, встречайте карамельную Мисс Подземка Телму Портер, “поет в хоровом кружке, поклонница Гершвина”. Ну разумеется. Шаг вперед и... ну, как-то.

⁹ Рудольф Уильям Луис “Руди” Джулиани (р. 1944) – американский политический деятель, республиканец, бывший мэр Нью-Йорка (1994–2001).

¹⁰ Парафраз строки из песни “It’s Alright, Ma (I’m Only Bleeding)” из альбома Боба Дилана “Bringing It All Back Home” (1965).

К середине 1970-х старушка Мисс Подземка потихоньку ушла в тень – таковы неизбежные издержки феминистского сознания, – однако в 2004-м “Нью-Йорк пост”¹¹ конкурс возобновила – из ностальгических соображений. А теперь вся эта затея словно возвращалась к жизни еще раз – постиронически, в 2017-м. Эмер казалось, что она шагает слегка не в ногу со временем: иногда она думала о временах того конкурса, когда можно было без насмешки сказать о Рите Роджерз, девушке, прославившейся в марте 1955-го: “Блистательная темная брюнетка, Рита в прошлом июне окончила с отличием колледж Нотр-Дам на Стэйтен-Айленде. Работает в журнале. Любит фехтование. Мастерски вяжет носки в ромбик”. Что ж, тушэ, какой мужчина устоит перед девицей, способной вывязать ромбик? (Это мизогиния? Чистая ностальгия и потому исключает любые вопросы мизогинии? Ее дядя, коллекционировавший бейсбольные карточки Негритянской лиги¹², не считался расистом. Но, что еще важнее, не слишком ли Эмер стара участвовать?)

Вновь зажегся свет, поезд тронулся. Эмер сэкономит время – не поедет до Девяносто шестой, а сойдет на Восемьдесят шестой и пробежит шесть кварталов до “Ю” на Девяносто второй¹³. Даже на таких каблуках. Правой рукой нащупала шрам у себя под волосами, у левого уха, отголосок операции, когда почти уже десять лет назад ей удалили доброкачественную опухоль из височной доли. Эмер уже осознала, что это вошло в привычку, и все меньше удивлялась, ловя на какой-нибудь отражающей поверхности свой образ со вздетой к голове рукой.

Размышляя об этом тике, она поняла, что это заземление, бессознательное напоминание о том, кто она такая, какова ее история, какие ухабы ей довелось преодолеть, – и напоминание о смертности. У нее случались очень незначительные, неуловимые судороги и мимолетнейшие галлюцинации, но все это исчезло, когда удалили опухоль. Эмер полагалось проверяться по крайней мере раз в год, но последние пару лет она разгильдяйничала, говорила себе, что ощутит сама, рукой, если возникнет что-то, требующее внимания. Такова была ее тайна, которую она прятала от матери, пока та была жива, и до сих пор скрывала от отца и всех друзей, даже от своего парня, что иногда чувствует себя под властью галлюцинаторной мысли, впадает среди бела дня в состояния, подобные снам глубокой ночью. Будь она честна с собой, признала бы, что галлюцинации ей нравятся. Случались они редко и бывали красивы, а после них Эмер ощущала изможденный покой, какой бывает у многих эпилептиков после припадка. Но, да, она сходит ко врачу. Просто не на этой неделе.

Единственный внешний признак чего-то вне нормы – разница в размерах ее зрачков. Один черный круг среди зелени был чуть шире, крупнее другого, как у некоторых инсультников, но у Эмер инсульта не случилось. Всего лишь последствие операции, которое врачи объяснить не смогли, и Эмер, проплакав неделю над своей поруганной симметричностью (как выяснилось, никто этого даже не заметил), начала радоваться, что теперь она похожа на Дэвида Боуи, а это воплощало для нее некое мятежное шизанутое несоответствие общепринятому – словно один глаз, который с меньшим зрачком, сосредоточен на свете дня, а другой, с большим зрачком, правый, всегда настроен на тьму и ночь.

Убрав руку от головы, она вновь посмотрела на полосатого-нараспашку, подумала о Коне и о том, как они прошлой ночью занимались любовью. Ей нравился оборот “заниматься любовью”, словно само это действие привносило в мир что-то новое, что-то создавало – прибавляло самой любви. Кону это удавалось очень хорошо. Они прожили вместе не один год, и Эмер

¹¹ “New York Post” (с 1801) – ежедневный нью-йоркский таблоид, одна из самых крупнотиражных американских газет.

¹² Негритянские лиги в США объединяли изначально любительские, а затем и профессиональные бейсбольные команды, состоявшие преимущественно из афроамериканцев; первые объединения возникли в 1880-е годы; последняя такая лига – Негритянская Американская – проводила финальные игры в 1950-е. Позднее команды Негритянских лиг были постепенно интегрированы в Главную лигу бейсбола.

¹³ “Ю” на 92-й (92Y) – культурный общественный центр в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена, на углу 92-й улицы и Лексингтон-авеню. Полное название – “Еврейская ассоциация юношей и девушек на 92-й улице”.

иногда казалось, что последовательные шаги в их занятиях любовью были предсказуемы, как крестные стояния Христовы. Кон и Эмер ложились в постель, рука Кона скользила по бедру Эмер, он поворачивал ее к себе, тридцать секунд они целовались, пока его руки исследовали и раскрывали ее, далее пара минут обязательных, но все равно блаженных оральных радостей, следом – десять-пятнадцать минут довольно пылкого совокупления в двух-трех позах, венчающихся одновременным, взаимно обеспеченным оргазмом.

Если накладывать это клиническое описание на их по-прежнему еженощный ритуал, задним числом, в пересказе, получалось похоже на зубрежку, на методичку по сборке оргазма, но на деле совсем не казалось вызубренным. В постели Кон полностью присутствовал в своих прикосновениях, и его присутствие порождало и в ней порыв к полному присутствию. Может, и не фейерверк, зато действенно. Ей нравилось ежедневно заниматься с Коном любовью в завершение дня, и повторяемость их движений не казалась Эмер скукой марионеток, выполняющих механическую работу, – ее познали, познал ее мужчина, и она, в свою очередь познав, ублажала этого мужчину. Вообрази она, что больше им не заниматься любовью, Эмер бы заплакала. Вот и гнала она от себя эту мысль.

Ее мужчина, а не этот хеджево-фондовый симулякр мужественности напротив нее. От имени всех бывших и будущих Королев Подземки она решила бросить вызов этому ноги-врас-топырку с Уолл-стрит. Решила произнести слова “Нахуй пошел, козел” и удалиться из вагона, тихо торжествуя. Она застанет обидчика врасплох, ошарашит его, отвлечет внимание, парализует отповедь. Поделом же будет этой напыщенной самодовольной мудацкой роже. Небось на братьев Леман¹⁴ работал, обсос, и теперь из-за него рецессия. Загнать бы ему в жопу весь этот кризис со свехрисковыми ипотеками. Эмер почувствовала себя праведницей. Глубоко вдохнула и вперила взгляд в Леман-растопырку, язык уже уперся в верхние зубы, приготовил очень заглавную “Н”...

Но мужчина задремал, мечтательно приоткрыв рот, как мальчишка. Раздвинутые колени свел по-детски, сидел в младенческой позе. У Эмер опали плечи. “Эх...” – непроизвольно произнесла она, а затем вздрогнула и задумалась: что за херня со мной такая? – и тут кто-то счел ее не предметом, а преградой, и толкнул сзади, чтобы протиснуться к открывавшимся дверям вагона.

¹⁴ “Lehman Brothers Holdings, Inc.” (1805–2008) – американский инвестиционный банк, ранее один из ведущих в мире финансовых конгломератов; обанкротился в 2008 году.

Кухулин Констанс

...Большие корабли везли экзотический груз. Сливы, папайи, бамбук, людей с глазами, как миндаль, с кожей черной, бурой кожей, желто-белой в голубую прожилку. Все это – в открытую, торговля, расписанная педантичной рукой в параллельных столбцах с пометками “дебит” и “кредит”.

Но всегда найдутся безбилетники.

За проезд платят не все. Взять вот крыс в недрах торговых судов курсом на Гавайи. Крысы и змеи родом не с тех островов. Никакая добыча не развила там умение скрываться от крыс и змей. Эти хищники безбилетники жадно попирали беззащитными певчими птицами. Нет больше певчих птиц на Гавайях. Безбилетники, нелегальные понаехавшие, если угодно, творят неписаную историю, байку истории. Прощай, птичка гавайская цветочница. {слайд}

Это называется “эволюция”. Или неразумный замысел, если хотите, в котором недоучка Человек нынче вечером играет роль Господа. Кто-то скажет, что Бог отрекся от власти железного кулака в пользу незримой руки Адама Смита. Говорят, Бог гневается – и не просто так: вероятно, он заскучал от этой роли и алчет новых горизонтов – может, Марс? {слайд с Илоном Маском} Или по какой-нибудь из многих планет в зоне Златовласки?¹⁵ {слайды: Кеплер442b, 452b, Проксима Центавра b и т. д.} Или, может, хочет проводить больше времени с семьей? {слайд с Кардашьянами; вскинуть брови, как у Белуши¹⁶, ждать взрыва хохота}

Но так не только с Гавайями. Безбилетники колонизировали мир – притащили с собой новую флору, фауну и заразу туда, где прежде их не было. Полвека назад погибли почти все наши местные вязы – их сгубила “голландская” болезнь вязов; на самом же деле это грибок из Китая, который переносят жуки, откладываящие под корой зараженные личинки. То же касается и внезапной гибели дубов, увядания берез и гнили каштана благородного.

Оспа прокатилась на океанских кораблях, перетаскивавших целые экосистемы, и сокрушила неподготовленные местные иммунные системы. {слайды} Тараканам – а это еще один ключевой символ Нью-Йорка – раздолье на Большом Яблоке после их бесплатной поездки на рабовладельческих судах из Африки.

Как и Мэлком Глэдзуэлл до меня – а также Стивен Левитт и Майкл Льюис¹⁷, – я надеюсь осмыслить вашу жизнь, скрестив статистику с упрощением. Статистика станет вам новым богом, а вероятность – Роком. Если скрестить Мэлкома Глэдзуэлла {слайд: Глэдзуэлл целует птичку “Твиттера”} и сдвинуть чуть вправо, получусь я.

Мой довод таков: те суда, что привезли иммигрантов и крыс, рабов и тараканов в Новый Свет, привезли с собой и богов с традициями, и сказки с суевериями. Америка – теологический плавильный котел, вселенское рагу, глина богов. Вы уже в курсе, что история есть присвоение. Что у наших римских богов сперва были греческие имена. Что Зевс стал Юпитером, а Афродита – Венерой. Исер Данилович {слайд с Кёрком Дугласом} стал Кёрком Дугласом, а тот – Спартаксом. Роберто {слайд бейсбольной карточки} стал Бобом Клементе. Альберт Эйнштейн стал Альбертом Бруксом¹⁸. {слайд/слайд, смех}

¹⁵ В русскоязычной литературе также зона обитаемости, зона жизни.

¹⁶ “Keeping Up with the Kardashians” (в российском прокате “Семейство Кардашьян”, с 2007) – американское реалити-шоу с участием членов обширной семьи Кардашьян, все светские львы, предприниматели, фотомодели, актеры. Джон Белуши (1949–1982) – американский комедийный актер, сценарист, певец.

¹⁷ Мэлком Глэдзуэлл (р. 1963) – канадский журналист, поп-социолог, в прошлом – журналист “Вашингтон Пост”, глава нью-йоркского бюро газеты, с 1996 года штатный автор журнала “Нью-Йоркер”. Стивен Левитт (р. 1963) – американский экономист. Майкл Монро Льюис (р. 1960) – американский писатель, финансовый журналист.

¹⁸ Роберто Клементе Уокер (1934–1972) – пуэрториканский профессиональный бейсболист Главной лиги бейсбола, выступал за клуб “Питтсбургские пираты”. Альберт Брукс (ур. Альберт Лоренс Эйнштейн, р. 1947) – американский актер, комик, кинорежиссер, сценарист.

Номенклатуру творят победители.

Вы считаете, что Христос родился 25 декабря, потому что большие шишки от христианства пытались сделать силовой переход от язычества к монотеизму как можно более безболезненным, верно же? А 25 декабря и дни вокруг этой даты уже были большим праздником во всех организованных человеческих сообществах – зимнее солнцестояние, правильно? {слайд со Стоунхенджем – может, сцена “Стоунхендж” из “Спинномозговой пункции”¹⁹. Дешевый юмор? Чего б и нет?}

А пасхальный миф о воскресении Иисуса и то, как этот миф втянул в себя многочисленные возвращения из потустороннего мира, что произошли до него? Озирис, Беовульф, Персефона. {слайды} И раз уж у нас с вами речь о 25 декабря: это идеальный пример того, как чужестранный бог мутирует ради выживания. Святой Николай, или Синтер Клаус / Синтер Класс, {слайд} приехал зайцем с голландцами, они первыми стали заправлять Манхэттеном – ну, после коренных местных, понятно.

В 1773 году, после Бостонского чаепития, старину святого Ника воскресили как символ нью-йоркского неанглийского прошлого, то был голландский средний палец, показанный британцам, и святой покровитель предреволюционных обществ, что возникали и назывались сыновьями святого Николая. Вот так святой Ник восстал со смертного одра – сперва символизируя собой неанглийское самоопределение оперявшихся революционеров, а затем – шаг еще более смелый – практически слившись с образом Иисуса Христа и Рождества. {слайд: Иисус в красном рождественском колпаке} Пожалуй, именно транжир и даритель подарков святой Ник помог Христу облечься мантией американского капитализма и при содействии кальвинизма наделить святым благословением всемогущий доллар. Можно даже сказать, что святой Ник помог Христу в большей мере, чем Христос помог святому Нику, поскольку некоторых – и я говорю “некоторых” – все еще может задеть вид самого Иисуса Христа, с удовольствием потягивающего ледяную кока-колу. {слайд}

Возвращение из загробного мира, воскресение – эта песенка людям уже была известна, и она им нравилась, а потому святой Павел и первые патриархи просто накидали новых имен, новых слов на старую музыку. Саул стал Павлом, солнцестояние – Рождеством, многие стали единственными. Грубое, действенное и достославное переобустройство души. Первое сокращение штата. Рейдерский захват духа, гордость Джека Уэлча, досада Оливера Стоуна²⁰. {слайд, смех} Пантеон выродился в Единого. Попутно задайтесь вопросом: что такое эти мириады святых как предмет поклонения, не говоря уже о Культe Марши, если не взятка задавленным обращенным язычникам, скучавшим по сонму богов, взятка в особенности женщинам, тосковавшим после сокращения штата по Ваалу, или Зевсу, или Матери Природе? Эдакое подмигивание, plus ça change, plus c'est la même chose²¹, братья и сестры.

И еще один мой вам сегодняшний довод: отход от болтливых раздоров между многочисленными богами к единственному Иегове произошел еще раз – в миниатюре и ускоренно – в Нью-Йорке примерно между 1800-м и 1935 годом. И я неспроста точен с датами: все ради того, чтобы вы решили, будто мой довод – научный.

Наши предки-иммигранты, миновав Эллис-Айленд, ввезли с собой контрабандные верования, своих богов в Мир Нового Порядка и тем самым безнадежно засорили сияющую поверхность официальной монотеистической Америки БАСП²². Хоть и отсискивали они при-

¹⁹ “Spinal Tap” – британская пародийная рок-группа, подражающая стилю британских хеви-метал коллективов, впервые появилась на телеканале Эй-би-си (1979), позднее о группе был снят псевдодокументальный фильм “Это Spinal Tap” (1984).

²⁰ Джон Фрэнсис “Джек” Уэлч-мл. (р. 1935) – американский предприниматель, бывший генеральный директор компании “Дженерал Электрик” (1981–2001). Уильям Оливер Стоун (р. 1946) – американский кинорежиссер, сценарист, продюсер, обладатель трех премий “Оскар”.

²¹ Многое меняется, многое остается прежним (фр.).

²² Белых англосаксов-протестантов.

нудительный карантин из-за возможной оспы или иных заразных недугов с упадочного континента, {слайд: юный Вито Корлеоне из “Крестного отца” ждет на Эллис-Айленде} никакого карантина не хватило бы, чтобы излечить их от духовной заразы родовых традиций и верований. Боги бессмертны, а потому терпеливы. Иммигранты и их боги ждали вместе.

Видите, единственная американская религия, единственная религия, прижившаяся на американской почве, – и я тут по своему капризу не принимаю во внимание сайентологию, поскольку даже мне не по нутру тупорылая смесь буддизма с научной фантастикой имени Мамаши Хаббард²³{слайд с Томом Крузом или Траволтой} – мормонство, или Церковь Святых последних дней. {слайд с Миттом Ромни} Гений Джозефа Смита²⁴ – слово “последний” в “последних дней”: время чудес не вышло, мы не опоздали. Ну есть же нечто унылое в старосветском христианстве, которое вечно оглядывается на старые добрые дни чудес воды-вино? Почему людям прошлого доставались доказательства, а нам – одна лишь вера? Джо Смит разобрался с этим делом. Нет, сказал Джо, эта шумовая херня происходит по-прежнему.

Дарвиновскую борьбу мы наблюдаем между биологическими видами, среди идей, и, намекаю я вам, есть она и среди богов. А что, если местные боги и боги разных стран ушли бы в подполье или смешались бы, скрестились друг с дружкой – в точности как люди подвластных этим богам земель? Вообразите, какие новые боги появились бы в мире – гибриды с непредсказуемыми чокнутыми сочетаниями древних умений; до чего крутым стал бы Супермен с техническими примочками Бэтмена? {слайд}

А что, если тех старых богов скрестить с людьми на манер того, как это устраивали себе похотливые греческие божества? Как Леда и лебедь. Позвольте процитировать Йейтса: “И рождена кошмарная краса”²⁵. Какие еще кошмарные красы есть нынче вокруг? Какой-нибудь гибрид греческого Гермеса с “Битсами”²⁶ в ушах, а не с крылышками над ними? {слайд: Меркурий в науинниках}

И вот тут вы вольны освистать меня, вы, светские люди, либеральные релятивисты. Говорю вам: эта оторванная от действительности борьба – всамделишная. И у нее есть последствия. Это не просто “полемика”. Говорю вам, судить, какие системы верований хуже, а какие лучше, можно. Как вершится эволюция человечества, так же вершится и эволюция богов: мы превосходим обезьян, а новый бог превосходит старого. Старые боги – это хорошее развлечение, {слайд из “Сумерек”} хорошие кассовые выручки, зато не лучшая пища для души. Стою я сегодня перед вами, я, релятивист, пришедший крушить релятивизм, и говорю: Коран – работа слабее Нового Завета, а греческие боги и африканский фольклор, улучшенные в смысле морали и впитанные в историю о Христе, – еще более авангардная перелицовка.

Теперь я желаю потолковать об этой стране. Желаю сказать вам, что, да, здесь церковь отделена от государства, но христианство – общее верование внутри системы, и оно стало ключом для ассимиляции всех этих сгрудившихся бедняцких масс, позволило Америке стать великой. И я желаю помпезно заявить, что развал этой сущностной системы на составляющие в нашем подходе к образованию и общественному устройству представляет собой подлинную и насущную, а не просто художественную угрозу.

²³ “Мамаша Хаббард” (“Old Mother Hubbard”, 1805) – английская детская песенка, текст до сих пор не подлежит однозначной трактовке. Лафайет Роналд “Рон” Хаббард (1911–1986) – американский писатель-фантаст, создатель религиозно-мистического движения Церковь сайентологии (1954) и дианетики (комплекса псевдонаучных идей и практик). В Церкви сайентологии состоят несколько американских знаменитостей.

²⁴ Уиллард Митт Ромни (р. 1947) – американский политик, кандидат в президенты США на выборах 2012 года от Республиканской партии, действующий епископ Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормон). Джозеф Смит-мл. (1805–1844) – американский религиозный деятель, основатель и первый президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (1830–1844), основатель движения Святых последних дней.

²⁵ Из стихотворения “Пасха 1916 года” (написано в 1916-м, впервые опубликовано в 1921 году).

²⁶ “Beats Electronics” (осн. 2006) – американский производитель наушников и динамиков.

Потому что древние боги не мертвы. Они среди нас со всеми своими языческими представлениями и привычками, ждут возрождения. Им одиноко. Им скучно. И они очень, очень озлоблены. Они устали ждать, они чувствуют, что неминуемо настает их час. Нет такой стены, какой можно от них отгородиться, расе Доналд²⁷. Боюсь, их время опять пришло.

²⁷ Отсылка к высказыванию президента США Доналда Трампа от 5 мая 2018 года о политике США в отношении границы с Мексикой. *Race* – при всем уважении (лат.).

Rain наш насущный даждь нам днесь²⁸

На бегу по дороге к “Ю” Эмер замедлила шаг у “Хлеба насущного” и оглядела выпечку в витрине. Ее всегда завораживало, как хозяйева этой конкретной франшизы словно бы не сознают, что впаривают прохожим ежедневную дозу кофеина, хлеба и печали – их насущную боль. Эмер уселась с горячим какао и булочкой, прекрасно понимая, что лекция Кона с минуты на минуту начнется. Да, баклуши она была отчасти из вредности, но от горячего какао ей делалось уютно. Взойдется завтра на “Версаклаймбер”²⁹ и все отработает.

В “Ю” она вошла, когда Кону осталось минут пять, то есть, по сути, Эмер прогуляла всю лекцию. Она все равно знала эту речь наизусть, подобрала для нее много материала, но все-таки. Считала, что ради Кона ей надо присутствовать. Маленький зал был полон примерно наполовину, половина этой половины, кажется, спала. Аплодисменты в конце получились не то чтобы оглушительными – скорее, казалось, что пятнадцать пожилых людей проверяют ответственность знаменитых приспособлений “Хлоп”³⁰.

Кона ей стало жалко. Даже этот вялый отклик рождался слишком долго. Кон пахал на этот опус целыми днями больше десяти лет, доходов толком никаких не приносил – ну, может, время от времени писал какую-нибудь книжную рецензию с упором на чувства, за пару баксов. И хотя Кон мечтал, что его работа “прорвется” (куда, интересно?), сколько принесет казне несколько правофланговый трактат о дохристианских божествах и фольклоре в Новом Мире (“Дж. К. Роулинг знакомится с Майклом Льюисом в лондонском пабе, они трахаются и рожают ребенка, которого воспитывает Уильям Бакли”³¹)?

Ну вот правда, никак не нащупать Кону сцепления с этим раздробленным, бедным на внимательность интеллектуальным рынком. Кон даже не смог выбить интервью с еще-не-опороченным, успевшим-до-“я не боюсь сказать” Чарли Роузом, пусть и близко знал одного продюсера и применил “закос под Джозефа Кэмбла”³² как выпендрожную наживку. Филеры отправили его к “людям Джимми Фэллона” в “Сегодняшнее ночное шоу”³³, но не прокатило, как не прокатило и незапланированное размахивание руками, чтобы добраться до Келли Рипы³⁴ (Эмер занималась с ребенком одной женщины, которая заявляла, будто близка с этой известной утренней телеведущей.) Работе Кона, похоже, суждено было стать тем одиноким деревом, что падает в лесу; он сам говаривал: “Боюсь, мы наконец получим ответ на вопрос, что есть хлопок одной ладони”.

Ей было жалко своего мужчину, потому что слишком большая часть мирского успеха, казалось, сводилась к расчету времени, – в случае Кона этот расчет оказался скверным. Восхождение Трампа сделало в этих местах политику единственным так называемым интеллектуальным развлечением. А вот пять лет назад прилежный, многолетний труд Кона мог бы смотреться провидческим, предвосхищающим гибридное чудовище вроде нынешнего президента, в

²⁸ Парафраз Мф. 6:11. *Pain* – хлеб (*фр.*); по-английски так же пишется слово “боль”.

²⁹ Американская марка тренажера.

³⁰ Сан-францисское изобретение (1996) – насадка на электрический тумблер, позволяет включать и выключать свет хлопком в ладоши.

³¹ Уильям Бакли (1780–1856) – английский заключенный; его выслали из Англии в Австралию, где он совершил побег и много лет прожил среди аборигенов под прозвищем Дикий белый человек.

³² Чарлз Пит “Чарли” Роуз-мл. (р. 1942) – американский телеведущий и журналист, брал интервью у нескольких мировых лидеров планеты; в 2017 году среди прочих публичных фигур оказался втянут в скандалы, связанные с сексуальными домогательствами. Джозеф Джон Кэмбл (в русскоязычной литературе Кэмпбелл, 1904–1987) – американский исследователь мифологии, наиболее известный благодаря своим трудам по сравнительной мифологии и религиоведению.

³³ Джеймс Томас Фэллон (р. 1974) – американский актер, комик, музыкант, телеведущий; “The Tonight Show Starring Jimmy Fallon” (с 2014) – ток-шоу Фэллона на телеканале Эн-би-си.

³⁴ Келли Мария Рипа (р. 1970) – американская телеведущая, актриса, продюсер, комик.

наступившую же эпоху Трампа предупреждения Кона выглядели запоздалыми бессильными шифровками. Вином из прокисшего винограда. Вот поэтому Эмер и было его жалко – и как мыслителя, и как мужчину. Время. Все сводится к нему, что ли? Ей подумалось, что в другую эпоху, может, в дохристианскую, Кон мог быть королем – королем, даже подобным его тезке, Йейтсову Кухулину, поскольку были в Конe потенциально героические свойства ума и тела: он алкал битвы, но опоздал к достойному противнику на несколько лет – или на несколько тысяч лет.

В нынешнем мире он был никем. Лишенный врага, втиснутый в неподвижность, он всей натурой своей нуждался в драке. А без достойного противника, без отдушины для мужского героизма его царственность перла боком – в дурацких амбициях и бурлившем неудовлетворении. Эта нужда в драке вывертывала ему душу вправо куда больше, чем было ему свойственно, и Эмер это понимала. Она опасалась, что любимое ею в нем способно в конце концов, если мир это в нем не востребует, стать тем, что может извратить или даже убить его, – или, во всяком случае, утащить с их семейного ложа. Такова была судьба королей последних дней, размышляла Эмер.

Потому-то Эмер в эти годы работала упорнее – и почти незримо, – чтобы обеспечить Кону, как мужчине, подпорки: пусть ее мужчина кажется стороннему глазу преуспевающим, благоденствующим. Сама она лелеяла едва ли сознательную мечту стать писателем, но тщательно ее замалчивала, довольствовалась положением бесплатного научного референта на проекте Кона. А вдобавок к обучению первоклашек в школе Св. Маргариты в Нижнем Манхэттене Эмер, лишь бы обеспечить Кону все время, необходимое ему для работы над книгой, подкрепляла свои доходы, репетиторствуя с детьми состоятельных ньюйоркцев, – натаскивала их на экзамены АТК и АОТ³⁵. На это можно жить. Каждый год у предыдущего нервного и избалованного поколения вызревал новый урожай нервных избалованных деточек, и эти деточки готовились к прыжкам сквозь стандартизированные обручи, каких требовали “Плющи” и все, что к ним прилегалo.

Двадцать-сорок дополнительных рабочих часов Эмер в неделю хватало, чтобы наскрести на сносное существование их паре в квартире с контролируемой арендной платой в Верхнем Уэст-Сайде. За свои услуги Эмер брала неприлично много, однако не так уж неприлично, если понимать, с кого она брала. Когда ее вводили в солнечные, просторные квартиры на Пятой авеню поддержать за ручку какую-нибудь девочку из третьего поколения Бриэрли³⁶, полюбоваться на Дэвидов Сэлле, Баскья и Шнэйблов³⁷, развешанных по стенам, – в кухне при этом повар, в прихожей горничная, а мамаша на пилатесе, – Эмер видела, где переплавили и отлили заново все то, что утекло при финансовом кризисе 2008 года. Сидя в домах у этого полпроцента населения, жуя мелкую морковку или вкуснейшие безглютеновые мадленки, Эмер ощущала присущую лишенцам отнюдь не отвратительную враждебность.

Она отдавала себе отчет в том, что эта ее вторая “работа” в сердцевине своей – порожняя, но думала Эмер об этом не потому, что таила могучее стремление к какой-то другой славе – к тому же некоторые детки, которых она учила, ей по-настоящему нравились, – а потому, что прививала она им, по сути, бессмысленный навык: как сдать экзамен. Это почти то же самое, что давать подсказки, как решать кроссворды, или скручивать куда надо кубик Рубика, или играть в компьютерные игры. И все же работала она именно с детьми, пусть и принимала потом

³⁵ Американский тест для колледжа (ACT, American College Test); Академический оценочный тест (SAT, Scholastic Assessment Test).

³⁶ Имеется в виду частная манхэттенская школа Бриэрли для девочек из очень богатых семей.

³⁷ Дэвид Сэлле (р. 1952) – американский художник и сценограф, одна из ключевых фигур американской постмодернистской живописи. Жан-Мишель Баскья (1960–1988) – американский художник гаитянского и пуэрториканского происхождения, один из выдающихся неоэкспрессионистов. Джулиан Шнэйбл (р. 1951) – американский художник и кинематографист, неоэкспрессионист.

кровавые деньги у их родителей, а к тому же, не имея своих отпрысков, чужих Эмер любила – многих, по крайней мере, даже вот этих, привилегированных.

Жуя мадленку и наблюдая, как ее подопечная осуществляет неведомо какую по счету попытку преодолеть АТК, Эмер вновь и вновь размышляла о бесплодных дерзаниях Кона. Он считал, что по его книге можно снимать кино. Кино, в котором старые сказки и мифы облеклись бы новыми одеждами – для беспамятного и капризного поколения, не интересующегося нравственностью плагиата и установления авторства, – и, возможно, Кон не ошибался. Они свою музыку получают задаром – может, поэтому им плевать на собственность создателя? Может, этого добился рэп? Вот о чем думала Эмер. С этим бесконечным сэмплированием наконец умер спор об оригинальном творении? Если не считать эпизодических многомиллионных судебных тяжб, кому какое дело, откуда взялся этот неоспоримый “крюк”, который погода присвоили себе Канье, Кендрик или Джей Зи?³⁸ Не у черного ли человека его сперли изначально? А ну как всё принадлежит всем? Разве это не положительная, демократичная тенденция? Можно ли выписать чек человеку, изобретшему блюз?

Нет, в этом отношении она оставалась старомодной. Ей нравились и признание авторства, и подотчетность. Эмер казалось несправедливым, что такая вот штука, как “Голодные игры”, бесстыжая переработка в феминистскую телеэпоху “Лотереи” Шёрли Джексон³⁹, без труда и вразвалочку проникла в народное сознание – и в кубышку миллиардеров. Или эти киношки из серии “Сумерки” – такие значимые сколько-то лет назад. Старый вампирский кунштюк, просто с красивыми насупленными изгоями-старшекласниками. Блистательно? Да. Обескураживающе? Тоже да.

– Не хочу я быть знаменитой, у меня под это наряда нет, – отшутилась она протестующе, потакая своему мужчине в мысли, что для него подобные фантазии, возможно, достигаемы.

Он поцеловал ее и сказал:

– Такой у меня великий замысел. Не знаю, сколько их во мне есть. Может, только этот. Я же не Томас Эдисон, не изобрести мне *и* лампочку, *и* фонограф, *и* кинокамеру... но моя работа, мой посыл – они круты. Я, может, Джордж Лукас правого толка, вот он, мой час “Звездных войн”, и мы его используем на всю катушку.

Иногда она позволяла себе замечания, что его взгляд на мир кажется нетерпимым, Кон отводил ее в сторону, обнимал и говорил:

– Считай это профессиональным рестлингом. Я играю некую роль. Может, я негодяй, а может, и нет, но на своем посыле мне надо настаивать. Нужно, чтобы ты могла описать меня одной фразой. Самоопределение у меня не должно быть длиннее одного “твита”. Я где-то читал, что Элис Купер, урожденный Винсент Фёрниер, говорил: дескать, он со своей группой добрался до Лос-Анджелеса в конце шестидесятых, и там у них все шло хорошо вроде как, играли на Стрипе⁴⁰, разогревом у “Дорз”, но не так чтоб *по-крупному*. Огляделся он по сторонам и заметил, что кругом сплошь тишь да благодать, хипня и никаких гаденышей, тут-то и прозрел он, что есть нетронутый рынок, и решил быть гаденышом, а остальное – история шок-роковой музыки на телеканале “Видеохиты-1”. В общем, считай нас Элисом Купером. Так лучше?

³⁸ Канье Омари Уэст (р. 1977) – американский исполнитель хип-хопа, рэпер, продюсер, композитор и дизайнер. Кендрик Ламар Дакворт (р. 1987) – американский исполнитель хип-хопа, первый в истории не джазовый и не классический музыкант, получивший Пулитцеровскую премию. Шон Кори “Джей Зи” Картер (р. 1969) – американский рэпер, четырнадцать его альбомов достигли верха хит-парада “Биллборд-200” (исторически второй рекорд после “Битлз”), многократный обладатель премии “Грэмми”.

³⁹ Шёрли Джексон (1916–1965) – американская писательница, классик литературы США XX века; рассказ “Лотерея” (The Lottery, 1948) – одна из наиболее известных ее работ.

⁴⁰ Стрип – отрезок бульвара Сансет в Западном Голливуде.

– На самом деле да, немножко. Спасибо, Элис. Но ты ж не начнешь живым летучим мышам головы откусывать, правда?

– То был Оззи, кажется.

– Ой, вот и хорошо.

Ей нравилось, когда он говорил “нас” или “мы”: к тому, как он употребляет местоимения, она была чутка, словно натасканная на наркотики собака в аэропорту, ушки на макушке, благодарна за любое множественное число первого лица. В такие минуты в ней пробуждалось единственное желание: чтобы ее замечали и говорили о ней, однако она это желание зашикивала, гладила по голове и проглатывала, как изжогу.

Кухулин Констанс Удал был хорошим человеком с именем из книжки комиксов; нет, что вообще значит “хороший”? Кон – мужчина, ее мужчина. Пусть и бывал он иногда слабоват или не уверен в себе – она сама тоже не героиня комикса. Они подходили друг дружке. Эмер желала Кону победы и хотела быть ее частью, частью его самого, чувствовала, что он – часть ее, Эмер. Но иногда ее посещала мысль: верно ли обратное? Чувствует ли он ее частью себя? Этого она не знала. Время от времени – да, возможно, а иногда – нет. Значит ли это “нет”? Она запила последнюю мадленку зеленым чаем-латте с миндальным молоком.

Ананси

Кон покинул зал, и Эмер догнала его за кулисами в “артистической”, которая на самом деле была просто чьим-то кабинетом, переименованным на то время, пока идут лекции. Эмер вошла в комнату, где толкались немногочисленные люди, с которыми она не была знакома, они пожирали мизерные тосты, расхищали неприменную сырную тарелку и пили вино из пластиковых стаканчиков.

Кон разговаривал с парочкой очень загорелых свежестриженных мужчин в темных костюмах – и с броской молодой афроамериканкой, которую Эмер видела впервые. Сырная тарелка проплыла мимо нее, словно лактозный призрак, на вытянутой руке облаченного в смокинг официанта. Сплошные убытки от подобных пирушек, подумала Эмер, чудовищный расход хорошей еды; она сделала себе зарубку прихватить шербатый кусок всеми забытого бри и сунуть его в сумочку перед уходом, чтобы им с Коном питаться этим пару дней, – так акулы подъедают тушу кита. Порывы таскать еду к себе в сумочку зародились в ней после развода родителей.

Ее мать, вечно озабоченная деньгами, финансовый параноик, как любая мать-одиночка, подносила свою обширную сумочку к краю пластиковых столов в “Макдоналдс” и сгребала туда мелкие упаковки кетчупа и майонеза. Эмер запомнила, как ей казалось, будто эти упаковочки похожи на леммингов, что валяются в черную пропасть материнной сумки, и воображала, как они вопят, летя навстречу смерти среди жвачки, ключей и рассыпанной мелочи.

Многие годы спустя, возясь в родной квартире после смерти матери, Эмер влезла на верхние полки в кладовой и нашла там удивительно тяжелую открытую коробку. На Эмер вывалился груз наворованных матерью крошечных красных кетчупов, желтых горчиц, зеленых приправ и белых майонезов. Значит, все правда: с собой ничего не заберешь, даже соусы. Эмер опознала эту забытую заначку, вспомнила годы мелкого воровства и накопительства, громадную надежду и страх, которые воплощала эта расфасованная по прямоугольничкам заначка, и коленки у Эмер подогнулись, будто одно лишь это и осталось от бедной цепкой маминой души – эти хорошенькие упаковочки, рассыпавшиеся по кухонному линолеуму, словно рыбешка из сети. В конце концов всего хватает – и денег, и любви, и майонеза. Не стоило маме тревожиться – так сильно, так долго.

Работая локтями и извиваясь, Эмер пробралась к Кону.

– Привет, Элис, – сказала она, применив тайное ласковое прозвище прилюдно, как это делают, чтобы укрепить свои позиции, люди, которым вдруг становится не по себе за столом. Эмер заметила, как афроамериканка отдергивает ту руку, что была в непосредственной близости от Кона, – гораздо быстрее, чем представлялось бы необходимым, словно ее застали врасплох у банки с печеньем, а если точнее – словно ей хотелось, чтобы Эмер решила, будто застучала эту женщину, когда та трогала Кона за руку.

Кон микроскопически поморщился от “Элис” и запечатлел на устах Эмер напряженный поцелуй. Сейчас у Кона был вкус дешевого красного вина и запах застарелого, выдохшегося адреналинового страха перед публичным выступлением.

– Лучше “доктор Купер”. – Все чрезмерно рассмеялись – не потому что поняли шутку, просто знали, что тут должно быть смешно, ха-ха-ха. – Эмер, познакомься: Александр Стивенз и Стивен Александр из АТД⁴¹. – Он показал на мужчин в костюмах, те прилежно протянули ей мягкие ладони. Один назвался Стивеном, второй Александром, и Эмер тут же забыла, кто есть кто. Далее Кон взмахом руки показал на красивую чернокожую женщину: – А это Нанси. Простите, не уловил вашей фамилии.

⁴¹ “Агентство творческих деятелей” (Creative Artists Agency, с 1975).

Женщина, казалось, страшно оскорбилась, но затем лучезарно улыбнулась и произнесла:

– Ананси. Не Нанси. Просто Ананси. Без фамилии.

– Как Шер? – любезно предположила Эмер, а затем неуклюже добавила: – Или Опра.

– Нет, – твердо отозвалась женщина. – Как Ананси.

Встрял Кон:

– Ананси выразила желание поискать капитал в рост, на разработку фильма.

– Какого фильма? – спросила Эмер.

– Именно, – сказал Алекс или Стив.

– В рост? Как волшебные бобы, что ли? – пошутила Эмер. Шутка никого не насмешила.

– Я представляю определенные африканские интересы, заинтересованные в Голливуде и в изложении туземных, репрезентативных и подкрепляющих историй в формате сравнения с другими культурами, но неуклонно придерживающихся иудео-христианской традиции христианства.

Эмер решила, что словесный салат Ананси вроде бы содержит информацию и речевое намерение, но на самом деле нет. Еще раз проиграв сказанное в голове, Эмер пришла к выводу, что оно лишено выраженного смысла.

У Ананси был выговор, который Эмер сочла африканским, и собралась спросить, откуда Ананси родом, но отчего-то передумала. Волосы у этой женщины были скатаны в толстые дреды, привольно обрамлявшие ее гладкое ненакрашенное лицо, – они напомнили Эмер изображения головы Медузы горгоны из школьных книг по мифологии, только у Ананси прическа смотрелась угарно. Угарная Медуза. Эмер пригляделась: все это настоящие волосы, никаких накладных. Черт. Как и Медуза, Ананси завораживала. Кон очаровался: Эмер чувствовала, как он неосутимо отстраняется от нее – подобно луне, попавшей в поле тяготения большей планеты. Не унижительно. Покамест. Кон сиял, все еще парил после своей лекции и внимания к себе, каким бы ни было оно невеликим, но в общем и целом все-таки парил – необязательно из-за этой обалденной молодой женщины.

– Стив и Алекс хотят свозить нас в “Нобу”⁴², закинуть мячик.

– Киношный мячик? Пушай завертится, пусть киномячик катится...

Эмер удивило, что ее гнев и неловкость выливаются в иронию и внезапный ковбойский выговор вполсилы, но свежестриженные, кажется, не заметили. Их агентские прикиды опрысканы ингибиторами сарказма.

– Точно, – сказал Стив. Или Алекс. Кто-то из них сказал: – Левакам перло в Голливуде целую вечность.

– Я не знала, – отозвалась Эмер.

– Ну, с 1970-х, – уточнил Стив или Алекс. – Кругом навалом денег на кино, что по другую сторону улицы. Братья Кок⁴³ хотят купить студию и снимать фильмы масштабов “Звездных войн”, но с глубинным христианским посылом. Клинта режиссером, может. Мел как раз посреди очередного возвращения в кино. Христианские боевики ему сейчас самое то. Нам окно открылось нараспашку. А у вашего человека есть товар. Нам кажется, что он сегодняшний Джо Кэмбл... Дж. К. Роулинг, весь этот замес с новыми олимпийцами⁴⁴ – может, даже какая-нибудь сверхъестественная битва богов между англичанами и американцами – и это у нас тут просто мозговой штурм – во времена Революции, ну вы понимаете, английские боги

⁴² Нобуюки “Нобу” Мацухиса (р. 1949) – японский шеф-повар и ресторатор, специалист высокой кухни (фьюжн, японские и перуанские традиции). В нескольких странах открыты рестораны, названные его именем.

⁴³ Чарлз де Ганаль Кок (р. 1935), Дэвид Хэмилтон Кок (р. 1940) – американские предприниматели, активно участвующие в политике.

⁴⁴ Имеется в виду серия фантастических романов Рика Риордана “Перси Джексон и Олимпийцы” (2005) и снятый по мотивам этих книг американский фильм “Перси Джексон и Похититель молний” (2010).

против доморощенных, только вякни – и вот тебе “Гамильтон”⁴⁵ по полной программе, плохиш, верно, Кон? Но без избытка политики.

Дин-дон-дин-дон – “минутка Джо Кэмбла”. Дин-дон-дин-дон – “Чаепитие Гарри Поттера”. И – дзынь! – “Гамильтон”. Услышав эти ключевые слова, Эмер почувствовала себя участницей старой телевикторины Ворчуна Маркса⁴⁶. Глянула на потолок – не слетит ли оттуда утка. Никаких уток. Видимо, это и имел в виду Кон, когда говорил: “Мне надо создать словарь, который будут применять, обсуждая меня”. Он разбрасывался ключевыми словами, как демагог, а агенты и рады были вцепляться в них, словно форель в муху. Эмер осознала, как низко отвисла у нее челюсть. Посмотрела на Кона. Он лыбился как дурак.

– Можно вас на пару слов, господин адвокат? – Эмер заглотила остаток третьего стакана укусного красного. Взяла Кона за локоток и отвела на несколько футов в сторону. – Мы только что въехали в Пенсвилль?⁴⁷ Население – до хера больше, чем тебе казалось.

– Что?

– Ничего. “Нобу”? Seriously – “Нобу”? Ты кто такой вообще?

– В каком смысле? Мне нельзя поесть в “Нобу”?

– Конечно, тебе можно в “Нобу”, дело не в этом, дело не в “Нобу”, “Нобу” – это... “Нобу”... – И тут она принялась неукротимо хохотать. Пока пыталась взять себя в руки, Кон раздраженно шурился. – Извини, если столько раз подряд сказать слово “Нобу”, оно делается нелепым на слух... ну ты понимаешь, как бессмыслицы у Доктора Зойсса – Нобунобунобу... ху-у-у... ху-у-у-у-у-у-у-ху-у-у-у-у-ху-у-у-у... – Тут ее опять разобрало.

Кон подождал-подождал – и сказал:

– Я бы хотел хоть раз в жизни поесть в...

Она умоляюще вскинула палец, чтобы Кон замолчал:

– Не произноси.

– Эмер.

– Прошу тебя, не произноси это слово, я не могу, просто скажи, что хочешь... поесть безумно дорогой, претенциозной, непрожаренной, неправильно названной рыбы, пусть я сроду не видела претенциозной рыбы, речь не об этом, просто не говори.

– Нахуй “Нобу”. Дело не в “Но-блин-бу”.

Она так хохотала, что часть публики в комнате обратила на это внимание, и даже Кон, раздосадованный и слегка смущенный, несколько очаровался слезами, что катились по лицу его давнишней долготерпеливой девушки.

Кон сказал:

– Так, Эмер, милая, мне пора... сама знаешь куда, приглашаю тебя вместе с нами – со Стивом, Алексом и Ананси в...

– Умоляю, нет. Хватит. Сжался, я же младенец.

– В... японский ресторан, которому положено остаться неназванным.

Кон в некотором смысле шел на мировую. Эмер понимала, что ему вроде как хотелось побыть отдельно – по крайней мере, чтобы сегодня эти голливудские ребята, Ананси и мир в целом считали, будто он сам по себе. Эмер задело, но она списала это на простую человеческую хрупкость. Знала, кто есть Кон, знала, что он такое, и любила его вопреки слабостям – возможно, любила его как раз за них, потому что понимала, до чего уязвимым чувствует

⁴⁵ “Hamilton” (2015) – американский мюзикл о жизни американского государственного деятеля Александра Гамильтона (1755/1757 – 1804) на либретто, музыку и слова Лин-Мануэля Миранды; особенность этого мюзикла – использование рэпа и ритм-н-блюза наряду с привычными бродвейскими мелодиями.

⁴⁶ Американский комик Ворчун (Граучо) Маркс (1890–1977) много лет вел викторину “Ставка – жизнь”, с 1947 по 1949 год на радио, далее, до 1960-го, на телевидении.

⁴⁷ Отсылка к Майклу Ричарду Пенсу (р. 1959), американскому политику и юристу, 48-му вице-президенту США, негигабеймому консерватору.

себя король без своего трона. И Эмер казалось, будто она знает себя саму – не героиня она, не рохля и не королева, а нечто посередине: герохла. Современная Мисс Подземка, подумалось ей. Новая женщина из старой отливочной формы. Другая впала бы в ужас от внезапного успеха своего мужчины, но у Эмер имелся план: она играла вдлинную.

Ухмыльнувшись, собственнически поцеловала Кона в губы.

– Нет, ты езжай один – в “Нобу”... видишь, я могу это произнести: езжай один в “Но-о-о-о-о”... – Ее опять чуть не развезло, но она удержалась, последний слог получился бессильным взвизгом: – “...бу”... и возвращайся с личным электронным письмом от Кристен Стюарт⁴⁸ и договором на три фильма, так же у них принято говорить, да? И с пластиковой сувенирной фигуркой.

– Ладно. Ха-ха, ладно.

– Ну и, может, с острым роллом с тунцом?

Кон поцеловал ее и сказал:

– Будет сделано. До скорого. Люблю тебя, Элис.

– И я тебя, Элис.

Эмер повернулась и присела в книксене, не понимая толком зачем, помахала на прощанье ребятам из АТД и красивой бесфамильной Ананси, после чего вперила взгляд в витавшую сырную тарелку. Глубоко вдохнула и выдохнула порыв держать нынче вечером Коновы вожжи. Не будет она ему мамочкой. Ушла и никакого бри себе в сумочку запихивать не стала.

⁴⁸ Кристен Джеймс Стюарт (р. 1990) – американская актриса, прославившаяся ролью в вампирской киноэпопее “Сумерки”.

Хесус и другие знакомые чужаки⁴⁹

Для первого вечера весны было достаточно тепло, и Эмерхватило вдохновения, чтобы отправиться домой через Центральный парк. Ей здесь нравилось – парк хранил волшебство, пусть Кон вечно и обзывал его “величайшим в мире тюремным двором”, или “гигантской пи-пи-песочницей для собачек-однопроцентников”, или “парком еврейского периода”. Что правда, то правда: посреди летней прогулки, если сосредоточиться, вонь собачьей мочи догоняет здесь почти в любой точке. Но зачем на этом сосредоточиваться? Сам парк был рукотворным чудом. Дикое зеленое сердце вертикального городского буйства. Эмер понимала, что место это дикое не по-настоящему, однако некоторая первородная суть в нем для Эмер была – словно имелась в нем определенная иерархия, отдельная от города в целом, свои законы Руссо, самостоятельный более старый мир. Центральный парк – внешнее искупление города за неистощимый коммерциализм, суету и бетон.

Манхэттен – прямоугольная, пронизанная до немоты пронумерованная сетка, а вот в парке номера испарялись. Можно сказать, что вы “примерно на уровне Девяносто второй улицы”, но это всегда приблизительно; чаще получается сказать: “Я в парке” – и далее назвать окрестные приметы вроде “к югу от Овечьего луга”, “на северо-восток от водохранилища” или “передо мной теннисные корты”, а не численные наименования улиц и авеню. Вот так и “теряешься” – если не буквально, так фигурально.

Переключаешься с навязчиво вертикального сознания улиц на некоторую просторную горизонтальность, и главное тут – на горизонт. Вот поэтому, когда Эмер сделала первые шаги прочь с Пятой авеню, ей показалось, будто она входит в церковь. И, как это, вероятно, бывает в исповедальной, парк – единственное место в городе за пределами собственной квартиры, где получается ощущать себя по-настоящему уединенно, общаясь не с людьми, как на городских улицах, а с чем-то менее телесным – или даже опасаясь его. Эмер удавалось ощутить этот едва ли не первобытный страх духа, и этот страх ей был даже отчасти приятен. Он выражал в ней томление, которое Эмер не могла толком определить. Пустота внутри нее разверзлась, напиталась тенями, едва не наполнилась. Эмер глубоко вдохнула запах скошенной травы и собачьего аммиака – и ощутила себя почти свободной.

Покидая парк на Девяносто второй улице, но прежде, чем двинуться домой, Эмер зашла в бodega на Амстердам-авеню за мороженым. Чувствовала себя на взводе, неутомленно, решила посмотреть, может, Фэллона или Колбера⁵⁰, и захотела себя немножко побаловать. Мороженое, овсяные хлопья, молоко, недозрелые бананы и, иногда, лотерейные билеты Эмер многие годы покупала у старого продавца-доминиканца по имени Хесус. Они не заговаривали друг с другом ни разу, его имя Эмер знала только потому, что Хесуса кто-то назвал при ней, и они едва кивнули друг другу, когда она поставила на кассу свое *джелато* “соленая карамель”.

Пару лет назад Эмер заметила Хесуса в подземке – он сидел в поезде – и не сомневалась, что они знакомы, однако не понимала откуда. Увидев его, до странного обрадовалась, улыбнулась, вскочила, повинуясь порыву, обняла Хесуса и воскликнула: “Добрый день! Как дела?” – словно он ей старый близкий друг. Хесус держался вежливо, пусть и слегка смутился от ее пыла, она медленно сдала назад, осознав, что сказать им друг другу совершенно нечего, что это просто мужик из бodega.

Вне привычного контекста Эмер повела себя несообразно своей натуре. Задумаешься тут о независимости натуры от места, а далее – и от странной, податливой текучести самой натуры. Теперь, расплачиваясь в бodega, Эмер всякий раз слегка трепетала и содрогалась, вспоминая

⁴⁹ Отсылка к Исх. 2:22.

⁵⁰ Стивен Тайрон Колбер (р. 1964) – американский комик, телеведущий, актер, писатель.

те обьятия и до чего счастлива она была увидеть Хесуса в тот день в подземке. Постаралась не выглядеть отвергнутой возлюбленной. Нисколько не сомневалась, что Хесус понятия не имеет ни о каких этих ее внутренних метаниях.

Иzzi

Эмер все не удавалось избавиться от мыслей об Ананси, а потому в нескольких кварталах от дома, прямо возле Коламбуса, она позвонила старой подруге Иззи, работавшей детским психологом. Их свели вместе школьные дела: Эмер натаскивала детей к экзаменам, а Иззи держала их за ручку, говорила правду, вскрывала и исцеляла травмы.

– Нам тебя сегодня не хватало в “Ю”, – сказала Эмер.

– Это что, телефонный звонок? Ты мне звонишь? Тебе сто три года, что ли, я не пойму?

– Я старомодная.

– Что творится, Ганс...

– “Ю”.

– Это сегодня? – Врала Иззи скверно. – Совершенно вылетело. Ну или три часа “Холостяка” мне мозги выели. Примешь ли ты эту розу?⁵¹

Эмер рассмеялась.

– Ну, Кон с компашкой вроде как уехал.

– Вроде как?

– Типа вроде, ага.

– С компашкой?

– Типа да. Компашковатой.

– Видимо, все прошло хорошо? У него самого, во всяком случае.

– Вроде как.

– Он, значит, парил на собственной актуализации и поэтому с большей уверенностью не удовлетворял потребности других людей. С тебя двести пятьдесят долларов, будь любезна.

Эмер рассмеялась вновь.

– Ты вот так детей диагностируешь?

– Нет, так я диагностирую Кона – как слабовыраженного нарцисса. По шкале между Тедом и Джорджем.

– Тедом и Джорджем?

– Банди⁵² и Клуни.

– Надеюсь, ближе к Джорджу.

– Да, милая, ближе к Джорджу. Там же и большинство мужчин в спектре, и поэтому я сижу на своем месте и играю за команду девчонок.

– Таково, значит, твое профессиональное мнение?

– Ну, я бы дополнительно посоветовала, чтобы он еще разок во втором классе отучился.

И опять Эмер хохотнула. Не совсем это хотелось ей услышать, но, похоже, все равно правда, а раз она не ранила и не доставала, ничего ужасного. Эмер вступилась за своего мужчину:

– Пора тебе понять, что Кон находит своему мышлению отдушину.

– Неужели?

– Ага, он маргинал.

– Извини, связь плохая. Ты сказала “привирал”?

– Ладно тебе, ты знаешь, что я имею в виду: он своего рода бунтарь.

– Мне он видится скорее Имперским Штурмовиком.

– Что?

⁵¹ “The Bachelor” (с 2002) – американский романтический реалити-сериал на телеканале Эй-би-си. Фраза “Примешь ли ты эту розу?” – одна из устойчивых формул этого сериала, на этот вопрос не предполагается отрицательного ответа.

⁵² Теодор Роберт (Тед) Банди (Кауэлл, 1946–1989) – американский серийный убийца и насильник.

– Извини. Отсылка к “Звездным войнам”. Работашь с маленькими мальчиками – знай их библию. Слушай, Бездейша... – Иззи иногда именovala Эмер Бездейшей, сокращение от “Бездействие”, потому что Иззи это имя – вроде Ганеши – будто бы напоминало индуистскую богиню. Бездейша – богиня неизменности, богиня ничегонеделания. Иззи продолжила: – Беспокоит меня не то, что он приспособил свой немалый интеллект к этой чепухе правого толка...

– Полегче...

– Ну, беспокоит, конечно, однако не так, как лицемерие ребят, которые распинаются о так называемой нравственности, а потом идут в “Киприани”⁵³ и...

– “Нобу”.

– Вот да, и “Нобу” в компашке хорошеньких женщин, да за корпоративный счет. Иисус в “Нобу” не пошел бы!

– Не знаю. Он был рыбак, ему, наверно, нравилась рыба.

– Иисус на самом деле, думаю, заказывал на дом – чтоб папарацци не лезли.

– Думаешь, взяли бы плату за пронос своей бутылки – если превращать воду в вино?

– Конечно, это ж ебанный “Нобу”. На чаевые щедрый небось, Иисус-то...

– На чаевые щедрый.

Эмер порадовалась, что Иззи струит все это барахло в прямом эфире. Эмер все понимала – и знала, что Иззи все понимает, но вслух Эмер сказать не могла, а потому подталкивала Иззи, и подруга Иззи шла навстречу. Слушать все это Эмер могла, и, если слушать, получалось не так убийственно, в открытую – такой вот тролль, а не громадное смертоносное чудище. Иззи же продолжала свои попытки чревоуещания от имени частично немой и избирательно слепой подруги:

– Я врубаюсь. Пусть себе Кон ищет своему мышлению отдушину, мне просто не нравится, когда это не твоя отдушина. Звук, который ты только что услышала, – это микрофон упал на пол.

– Удачно получилось у тебя, но мне *навверняка* ничего не известно. Для него тут дело не в сексе.

– Нет? Ладно. Для меня – в нем. А для тебя?

– Ты же знаешь, мы с сексом друзья.

– Да? Вы с сексом типа приятели по СМС?

– Ага, СМС, электропочта. Иногда сальные телефонные беседы. – О сексе Эмер говорить не очень-то нравилось – даже с близкими подругами. Этот предмет казался сокровенным, и, может, Эмер была немножко старомодной, как те девушки из конкурса “Мисс Подземка”, 1950-х, но Иззи вся загоралась.

– Ты эс-эм-сексила сексу? Вот это рекурсия. Вероятно, аккурат в этом будущее.

– Знаешь, – сказала Эмер, пытаясь увести Иззи в сторону, – дело даже не в другой девушке, это вообще-то не его тема.

– “Вообще-то” не его тема? А в частности – его?

– Я вообще-то не знаю. Секс у нас что надо, классный. На самом деле мне про это больше говорить не хочется. Оно меня расстраивает. Так часто произносить слово “секс” – одно расстройство.

– Спорить не буду, но вот эта книга, этот успех – по моим оценкам, наполовину твое достижение, ты такие раскопки произвела, и я даже не знаю навверняка, какие там мысли твои, а какие – Кона. Может, это твой замысел был с самого начала, а Кон его присвоил, извратил в определенную сторону – чтобы получилось подороже или чтобы попало в нишу, из которой ему будут слава или деньги. Тебе-то мудрость, а ему – расчет.

⁵³ “Киприани” (с 1950-х) – частная международная компания со штаб-квартирой в Люксембурге, владеющая сетью дорогих итальянских ресторанов и клубов по всему миру.

- Не имеет значения. Мужчиной быть трудно.
- Женщиной еще труднее. И вот то, второе, оно имеет значение. Не удивляйся потом, если он тебя отпихнет, как какого-нибудь средневекового писца. Когда ты рядом с ним, люди видят маленькую женщину за шторкой. Никакому мужчине это не понравится.
- И что же мне делать?
- Либо совсем уж ляг плашмя, либо встань, бя, в полный рост. Середина тебя прикончит. Ты вот так позволяешь ему быть худшим собой. Я не одного его виню – я виню и тебя тоже.
- Эмер рассмеялась – рассмеялась, но усекла.
- Ты прямо как Опра, только злая. Может, мне следует “прислониться”?
- Делай что хочешь, только НЕ “прислоняйся”. Отслоняйся, бя, если уж на то пошло.
- Спасибо, Иззи.
- Все нормально?
- Да, я нормально. Полегчало.
- У меня не было такого намерения.
- Ха-ха. Спасибо.
- Обращайся. Чем собираешься заняться?
- Мороженое поем.
- Эмер...
- Собой займусь.
- Королевна! Злая Опра одобряет. Спок-ночи, Ганс.

Юнона

Когда Эмер вошла в свое здание, на вахте был Папа. Иммигрант с Гаити, облаченный в угловатый светло-коричневый мундир, смутно похожий на военный, словно Папу завербовали в неведомую армию консьержей – с тех самых пор, как Эмер в этом доме жила. Когда-то Папа был высок, но теперь состарился и сгорбился, и Эмер машинально помогала ему открывать тяжелую металлическую дверь. Ноги у Папы были заметно разной длины, двигался он с выраженной хромотой, которую из всех сил старался превращать в походочку под шпану 1970-х. Эмер заметила, что ее поползновения к коллективному труду оскорбляли Папину профессиональную гордость и мужское достоинство, а потому перестала, однако теперь Папа ожидал ее помощи, дверь открывать ему было тяжело, и он безмолвно и несправедливо винил ее за это свежее напоминание о его истаявшей мужской доблести. В этом людном мире мужчин приходится ступать, как по минному полю, подумала Эмер, – сплошь невидимые границы и обиды, настоящие и выдуманные. Конца им нету.

Улыбнулась, осторожно спросила:

– Вы как, Папа? – Словно они с ним в одной команде по софтболу, а Эмер того и гляди похлопает его по задку.

Папа кивнул ей с угрюмым:

– Мисс. – Едва-едва помешал тяжелой двери закрыться и раздавить их обоих. Эта штука была почти целиком медная и весила тонну.

Эмер предложила Папе свой сжатый кулак – стукнуться. Видела, как он проделывает это с местными детьми, и завидовала легкости подобного светского жеста. “Хиповому” приемчику ее научил один ее подопечный еще в 2010-м, и хотя Эмер чуяла, что мир не стоял все это время на месте, она собиралась гонять это конкретное приветствие в хвост и в гриву, за границу иронии, сквозь ностальгию, в закат.

– Взрывайте, – предложила она. Папа ткнулся ей в кулак, но взрывать не стал⁵⁴. Эмер двинулась к лифту.

Когда Эмер устроилась на кровати с мороженым и собралась переключаться туда-сюда с Фэллона на Колбера – СДВГ-развлечение⁵⁵, которое она именovala “просмотром Фэлбера”, – было полдвенадцатого. Эмер глянула в телефоне, сколько часов преподавания у нее завтра, и увидела СМС от Кона со снимком суси и подписью: “45\$/шт!!! она не грусти”. Брр, “она”, а не “одна”, до чего же неудачная опечатка. Перечитать, что ли, не мог, прежде чем отправлять? В груди у нее сделалось туго, и она выдохнула – внезапный образ экзотических дредов Ананси. Образ этот не значил ничего – почти ничего.

Эмер проверила почту и голосовые сообщения. Полистала на телефоне “Нью-Йорк Таймс”. Фэлбер завели свой вечно юношеский, несколько чересчур заискивающий монолог, она вчиталась в заархивированную статью о космическом корабле “Юнона”, пролетевшем 1,7 миллиарда миль к Юпитеру и наделавшем удивительных снимков. Эмер подумала, что 1,7 миллиарда миль – это недалеко, если ты Юпитер. Луны Юпитера, Европа и Ганимед, видны отчетливо. Она перебрала в уме имена богов из доклада Кона, как мы беспрестанно вновь и вновь пользуемся одними и теми же персонификациями: вот теперь эта античная богиня стала космическим кораблем; то, что когда-то было антропоморфизирующим женским воплощением неизвестного нам, теперь стало антропоморфизирующим агентом всего нам известного.

⁵⁴ Последовательность жестов такова: удар кулак в кулак, а затем оба участника приветствия резко разжимают кулаки, имитируя взрыв.

⁵⁵ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Размышляя о Юноне, Эмер с удивлением ощутила у себя на щеке слезу: дочь Сатурна, сестра/жена Юпитера, мать Марса и Вулкана – все теперь забыто или многократно преобразено до бессмыслицы. Забытая античная богиня среди легионов заброшенных божеств из книги Кона – однако еще и рукотворный космический корабль. Это поразительное человеческое сооружение сейчас находилось в миллиардах миль от места своего зачатия. Ужас до чего далеко. Как и богиня, также оставленная людьми, что поклонялись ей. И, как богиня, обреченная не приблизиться больше чем на 1,7 миллиарда миль к планете-супругу, пока прилежно делает снимки других небесных тел, обращающихся вокруг него. Трахает Ганимеда. Мальчишку? Мальчишку! Ну ладно. Да и тебя нахуй, Европа: первой заворожила Галилея, все верно, но ты всего-то шестая по масштабам луна Юпитера, ссучко.

Эмер посмеялась над своим же ехидным внутренним диалогом планет, лун, божеств и космического судна. Но на самом-то деле до чего страшно должно быть “Юноне”? До чего бесприютно, одиноко? Ясное дело, руки, что сотворили ее, сами того не ведая, вписали ДНК – через пот, чувство и внимание – в податливые материалы, и ясное дело, “Юноне” должно быть холодно и жутко мчать сквозь космос, отщелкивая фотокарточки, как тоскующий по дому турист. Просто все это было сейчас для Эмер чересчур, и она позволила себе приписать этой мертвой богине-машине собственную бесприютность и опосредованно печалиться. Ее удивило, с какой страстью она огорчилась, и слезы покатались совсем вразлад с обязательным смехом студийной публики у Фэлбера.

Пусть сперва оно и показалось бездонным, сестринское чувство к невозмутимой “Юноне” вскоре исчерпалось, и Эмер задремала.

Когда она проснулась от стука в дверь, несъеденное мороженое уже совсем растаяло. Эмер глянула на телефон: время – 3:37. И Фэлбера пропустила, и Кон по-прежнему не дома.

Сиды

– Кон? – крикнула Эмер, стряхивая дрему и направляясь к входной двери. Небось напился сакэ в “Нобу” и потерял ключи. Эмер потерла лицо ладонями, стараясь устранить красноречивые следы слез. Открыла дверь – и никого за ней не увидела, но затем ощутила что-то у своих ног, опустила взгляд и осознала, что это ребенок, – нет, не ребенок, а очень коротенький человек в ливрее привратника.

– Можно войти? – спросил малютка привратник.

Эмер была все еще тупая от сна.

– Придется пригласить меня в дом. Таковы правила, – сказал он скучающим тоном. Этот вот крохотуля консьерж.

– Ой, простите, – опомнилась Эмер. – Заходите. Уже поздно. – Она подавила порыв взять его на ручки, до того он был маленький.

Человечек оскалился на нее, словно прочел ее мысли. Шагнул в квартиру, не сводя взгляда с Эмер, – вроде бы рассерженный.

– Что-то не так? – спросила Эмер. – В доме? Сейчас очень поздно.

– Нет, в доме все так. Дом в порядке.

– Так в чем дело-то?

– Я Сид, – сказал человечек. – Произносится “си-ид”, но американцы зовут меня “Сид”. Говорил этот странный человечек с акцентом. С шотландским? Ирландским? Южноафриканским? Австралийским? Что-то такое.

– Вы консьерж в этом здании?

Сид кивнул и огляделся.

– Я вас прежде никогда не видела, – сказала Эмер как можно любезнее.

– Видела, конечно.

– Нет, я бы запомнила.

– Да ладно? И почему же?

Черт.

– Потому что я запоминаю всякое.

– О. Вот и славно. Думал, скажешь, потому что я чуток мельче среднего.

– Правда? Я не...

– Думал, скажешь, потому что я мелкий карлик. Незабвенный Мини-я⁵⁶ в мартышечьем мундирчике.

Эмер хохотнула.

– Над этим можно смеяться? – спросила она, вообразив, как кто-то может попытаться пробраться в здание, забрать Сиды и утащить, как футбольный мячик.

– Уж я, бля, надеюсь, великанша ты эдакая, – отозвался Сид. – Я пришел в два пополуночи и сменил Папу Легбу, этого скользкого хромого самозванца⁵⁷.

Оба замерли. Эмер подумала, не позвонить ли на вахту, но все это казалось ей скорее любопытным, чем опасным.

– Желаете что-нибудь выпить? Воды? Сидра? – спросила она, словно бы извиняясь.

– Сидра? Шутить изволишь?

– Ой, господи, нет, простите...

– Ирландский виски я буду, если есть.

⁵⁶ Мини-я – персонаж серии фильмов “Остин Пауэрс” в исполнении Верна Тройера, карликовый клон доктора Зло.

⁵⁷ Папа Легба – одна из центральных фигур в гаитянском варианте религии вуду, один из духов-лоа, которого приверженцы религии считают посредником между людьми и всеми остальными лоа.

Эмер кивнула и пошла к бару, все еще в полусонном ступоре.

– Есть скотч “Дьюар”. – Она знала, что некоторые консьержи пьют на службе – и не винила их. Сама бы пила.

– Шотландский шлак.

– И немножко “Бушмилз”.

– Благодарствуйте, дитя мое.

– Как пьем?

– Как сварили, так и нальем.

Эмер налила чистого, принесла, подала.

– Что ж... – начала она. Он лихо закинулся виски и вернул стакан Эмер. – Еще?

– Негоже было б отказываться.

Налила повторно. На этот раз он смаковал.

– А где Кон? – спросил карлик, ошарашив Эмер.

– Что?

– Кон. Возлюбленный твой. *Инаморато*. Где пребывает?

– Хм, странный вопрос.

– Только если ответ странный, дорогуша.

Как это часто бывало у нее в жизни, Эмер до самого упора предпочитала вежливость противостоянию.

– Ну, он в “Нобу”. – Слово слетело у нее с губ, но смешным уже не показалось. Она почувствовала, как изменился воздух вокруг нее, слово похолодало, а маленький человек вдруг преисполнился угрозы. Лицо у него было, “как карта Ирландии”, сказал бы ее отец, – густые черные волосы, выдающийся бугристый нос, глаза бурливые и синие, как Северное море. В зависимости от того, как на него падал свет, он казался то красавцем, то гоблином. Эмер чувствовала, что никак не может проснуться полностью, и странность происходящего наплывала на нее словно бы из-за ширмы; верх, низ, лево и право казались ненадежными, будто смотришь на закат в зеркало заднего вида. Эмер отступила на шаг. – По делам. Должен вернуться с минуты на минуту. А что?

– По делам?

– Да, с коллегами.

– С коллегами. – Он произнес это так, будто от слова дурно пахло.

– Так что же, вы хотите сказать мне, что собирались сказать, раз пришли, потому что он вернется в любой момент – написал мне пятнадцать минут назад, что едет в “Убере”.

– В “Убере”. Поди ж ты.

Сид подошел к двери и закрыл ее. Попытался запереть, но ему не удалось дотянуться до шпингалета. Встав на цыпочки, он смог лишь дотронуться до нижней кромки медного цилиндра. Подпрыгнул, вцепился в замок одной рукой, как обезьянка на турнике, подтянулся, успешно повернул замок свободной рукой. Рухнул на пол, покачал головой.

– Все равно смог. – Повернулся к Эмер, переводя дух: – Я пришел вернуть тебе телефон. Мы его нашли.

– Я его не теряла. Вот только что им пользовалась. Читала статью.

Она глянула на кровать, где заснула, но телефона там не было. Эмер пошарила по карманам – пусто. Сид полез под мундир. Эмер ойкнула, будто Сид мог извлечь оружие, но он достал телефон – по виду похожий на тот, что был у Эмер, со знакомой трещиной на экране и ироничным чехлом “Привет, Китти”.

– Когда вы успели его прихватить?

– Я его не прихватывал. Он валялся в фойе. Ты его выронила.

– Вряд ли.

– Ты о своем телефоне все знаешь?

– Что?

– О телефоне твоём, со всеми этими чокнутыми новыми приложениями. Ты в курсе, что есть приложение “ай-Приглядывай”? Следить за супругами чтобы. Тебе б о таком подумать.

С Эмер было довольно. Она уже собралась вышвырнуть малютку за дверь, но он протянул ей телефон. На экране играла видеозапись: Кон, судя по всему, в “Нобу”, треплется с ребятами из АТД и Ананси.

– Как вы?.. Бессмыслица какая-то выходит.

Кон с Эмер никогда не фотографировали на телефоны. Такая у них была позиция против современности. Они предпочитали жить свою жизнь, а не запечатлевать ее в фейсбуке, инстаграме или снэпчате. Поблажку в хранении воспоминаний они себе как паре сделали одну – купили старый “Полароид”. За годы отсняли сотни маленьких фотокарточек, и Эмер скидывала их в “роид-ящик”. Вот поэтому видеть фотографии или видео с участием Кона на телефоне оказалось странным – святотатственным для института их отношений.

Сид ответил:

– Бессмыслица? Смысла тут уже никакого совсем. Давным-давно уже весь смысл проехали.

Эмер глянула на Сиду. Она уже не сомневалась, что он ей кого-то напоминает.

– Вы тут не консьерж.

Сид пожал плечами.

– Вычислила. По мундиру, да?

– Вы кто?

– Я же сказал. Я Сид.

– Сид, ага. Какой Сид? Как ваша фамилия?

– Нет. Бан Сид. Я из Бан Сидов.

Эмер оторопела, хотя сказанное вроде бы на что-то намекало. Может, это из Коновой книги? Может, попалось, пока она искала всякое для Кона?

– Бан Ши, – повторила она, пытаясь расшевелить себя.

– Это народ. Ну, разновидность кельтских духов.

Эмер глубоко и ошарашенно вдохнула, а затем, выдохнув, произнесла:

– Хотите сказать, что вы вроде как... лепрекон?

– Я не лепрекон! Сапожники они хезаные!

– Эльф?

– Поосторожней, Великанша! Драть Уилла Феррела, имать Киблера⁵⁸ и харить Рождество! Бан Сид, исполинское ты чудище, Бан Сид!

– Ладно-ладно, Бан Сид, простите.

– Две тысячи лет назад мы были всюду, а теперь о нас никто не знает. Знаешь, до чего тяжело сидеть и смотреть, как вампиры, оборотни и мать-их-дять Динклиджи⁵⁹ из “Игры престолов” гребут все под себя? Нам, похоже, не хватает рекламного агента – ни одного не было со времен Йейтса.

Поддержать этот разговор Эмер оказалась неспособна. Если принять хотя бы часть того, что он говорит, как правду, возможно, придется принять и все остальное. Просто ли это сумасшедший – чокнутый, сумасшедший карлик у нее в квартире у запертой за его спиной двери? Или же он – нечто совершенно иное, не вполне человеческое или же нечто чуть большее, чем человек? Эмер по-настоящему напряглась, сохраняя спокойствие, а сама исподтишка нашла

⁵⁸ Речь об американской семейной кинокомедии “Эльф” (2003) с Уиллом Феррелом в главной роли. “The Keebler Company” – вторая крупнейшая американская компания-производитель печений и крекеров, основана в 1853 году Годфри Киблером; на логотипе компании – мультяшный лепрекон.

⁵⁹ Питер Хейден Динклидж (р. 1969) – американский актер театра и кино, знаменит ролью Тириона Ланнистера в сериале “Игра престолов”.

на экране контакт Кона и нажала, чтобы номер набрался. Что бы ни случилось в ближайшие несколько минут, Кон услышит это – или оно окажется записанным в его телефоне.

Эмер чуть-чуть расслабилась. Что-то из ее бескорыстных и безымянных усилий ради Кона начало к ней возвращаться.

– Бан Сид, – проговорила она задумчиво. – Бан Сид... Похоже на “банши” и связано с банши – духами. Обычно это матери, умершие родами...

– Я не банши, хотя знаю нескольких, и не женщина, что, надеюсь, очевидно. Говорю же, нам рекламный агент требуется.

– Стенающие духи, глашатаи смерти... глашатаи смерти, верно?

– Во-во.

Эмер принялась смеяться – как это бывает с людьми на “американских горках”.

– Вы пришли меня убить?

– Язык себе прикуси.

– Пришли сказать, что я скоро умру?

– Вот это другое дело, но нет – не ты.

– Где вы взяли ту видеозапись?

Ей все еще было страшно, однако она вдруг почувствовала, как растекается внутри покой, словно вишневый “Найкуил”⁶⁰ (ее любимая наркота не относилась к хулиганским): что бы ни случилось, Эмер это выдержит, она будто готовилась к этому. И тут подумала: вероятно, вот так люди и чувствуют себя в своей тарелке перед тем, как их убьют.

– Где я взял эту запись, значения не имеет, важно то, как ты ответишь на мой вопрос. Потому что о твоём желании мне известно.

– О каком желании?

– О единственном. Но сначала глянь-ка в это приложение. Называется “ай-Вспоминай”.

Сид взял у Эмер телефон, повозился с ним, повернув горизонтально, чтобы изображение стало пошире. Эмер увидела себя и Кона той поры, когда они познакомились, но записано это было как документалка Кена Бёрнза⁶¹ – возникали и исчезали статичные крупные кадры, торжественная музыка придавала их личной сказке масштаб настоящей истории, ощущение размаха, словно кто-то снимал их, пока они влюблялись друг в дружку. Оказалось на удивление трогательно.

– Это... кто... я не... прямо после колледжа было...

Сид забрал у нее телефон и несколько раз мазнул по нему пальцем.

– Это все история. А вот это, как я уже показывал, происходит прямо сейчас.

На экране возникли Кон и Ананси. Уже не в “Нобу”, но все еще где-то в центре, посреди пустынной улицы, шагают, взявшись за руки.

– Не понимаю, – проговорила Эмер.

– Еще как понимаешь. Перемотай вперед.

– Что?

– На телефоне вперед перемотай.

Хотя на самом деле ей этого не хотелось, Эмер поневоле нажала на двойную стрелочку вправо. Фигуры Кона и Ананси, мультяшно заспешив, вошли в какой-то бар и выпили там еще, посидев в удобных позах. Эмер это задело, но она понимала, что Сид пытается зацепить ее, а потому изобразила невозмутимость.

– Не чувствуешь этого из-за своего желания. Твое желание – профилактика, презерватив на душе.

⁶⁰ Сироп от кашля производства компании “Проктер и Гэмбл”.

⁶¹ Кеннет Лорин Бёрнз (р. 1953) – американский кинорежиссер и продюсер документальных фильмов, характерная черта стиля – использование архивных кино- и фотоматериалов.

– Гадость какая.

– Я знаю тебя, Эмер, по твоему старому ирландскому имени. Я знал твоих предков до того, как они явились сюда и забыли обо мне. Я знаю твои мысли, прозреваю твое сердце – как прозреваю и Кухулина. Ты продолжаешь потакать ему в его скитаниях, приговаривая про себя: “Ну да, таков мужчина – мужчина в поисках своего королевства”, и нынче ночью ты ему потворствуешь – говоришь себе: “Да будет ему день и да будет ему путь – он ей нужен”. Вот как ты себе говоришь. Ему нужны ее деньги, влияние, защита, ей нужна его душа, а может, даже больше, а потому пусть он ведет ее, черт, да пусть даже войдет в нее. О, ты вздыхаешь: он вернется ко мне, как ни крути, этот мир опасен, а мужчина пусть творит, что мужчине долг велит.

Казалось, будто он проник к ней в душу, если не больше – пробрался в самые тени ее души, где Эмер была той малой темной сущностью, какой ни с кем не делилась. Она почувствовала себя так, словно ее разоблачили, нарушили ее границы.

– Нет.

– Нет? Врешь себе – и мне врешь, заслоняешься от боли, прячешься за собственным желанием, за надеждой, что со временем король повзрослеет и взгляд его перестанет блуждать, что король перерастет свои устремления и вы вдвоем состаритесь вместе. Глянь-ка в это приложение – “ай-Желай”.

Сид потыкал в телефон, и Эмер увидела пожилую пару, рука об руку идущую по пляжу: безупречный мелкий белый песок, синяя вода, двое стариков держатся за руки, неуклюжая синкопа шагов любви привольной, стародавней – их с Коном. Глаза Эмер налились слезами.

– Вот твоя фантазия, твой эндшпиль.

– Откуда вы это знаете?

– Откуда я вообще что-то знаю? – Сид взялся за телефон и вновь что-то набрал на нем. – С этими шутовскими всяк – хренов умник. Всё в облаке. В облаке. В облаках когда-то жили боги. А теперь облако – бог. Меня врасплох застали. Уж будьте уверены, я не видел, как телефоны с воем катились по небу, в отличие от динозавров, которые видели астероиды. Но я отвлекся. О чем я бишь?

– Понятия не имею. – Эмер внезапно очень устала.

– А, да, посмотри еще.

Он протянул ей телефон, сцена на песке сменилась уличной: Кон и Ананси в центре города, идут под дождем. Ананси споткнулась на своих шпильках, Кон помог ей удержаться на ногах, они рассмеялись ее неуклюжести. Но и вернув себе равновесие, Ананси продолжала держаться за Кона, а Кон не убирал руку. Эмер подошла к окну и выглянула на улицу. Шел дождь.

Сид произнес:

– Смотри дальше.

– Не хочу.

– Надо смотреть дальше, потому что менее чем через минуту Кон умрет.

– Что?

– Ой да, Ананси – паучиха, смерть самая что ни есть, и она выведет Кона под автомобиль.

– Зачем?

– Нужна ли паучихе причина, чтобы поймать муху? Паучиха голодна. Ее укус – ее поцелуй, и он убивает. А может, она зла из-за книги. С этой публикой поди пойми.

– С какой публикой?

– С богами Африки. Мы пришли охотно, а их заставили. У них свои взгляды. Я не согласен, но соотнестись могу. Ну или согласен, но не соотношусь. Этот человек написал книгу о богах, в которой утверждает, будто знает их замыслы и желания, – я бы сказал, перчатку им бросил, верно? Вполне классический извод гордыни – много на себя взял человек, не? Так

же, как эти его проделки правого толка, гордыня способна обозлить цветных богов. Она собирается заткнуть ему рот, так или иначе. Она, несомненно, сей миг делает ему какое-то свое предложение, а мы с ней вовсе не наверняка на одной странице или в одном графике. Я бы сказал, что на решение у тебя секунд тридцать.

– На какое решение?

– Тебе под силу спасти Кона. Тебе по силам спасти его от смерти, от Ананси. Смерть – всего один вариант из бесчисленного множества возможных исходов.

– Да, конечно, я хочу его спасти. Спасите его! Остановите всё!

– Не потеха, не поза, не правда, не прок. Равновесие. Доля воли, неразменная. Чтобы спасти что-то, придется чем-то пожертвовать. Так оно устроено, и как оно устроено, мне в радость.

– Чем, чем нужно пожертвовать?

– Тебе все еще неясно?

Эмер села.

– Моим желанием.

– Девица-разумница, я знал, что с тобой игра задастся. У тебя пятнадцать секунд. Откажись от своего тайного желания провести с Коном старость – и Кон выживет.

– Чушь какая.

– Выживет, но вот в чем загвоздка: тебя он знать не будет. Таково условие.

На экране телефона Кон с Ананси шли посередине темной мокрой улицы. Эмер видела, как впереди из-за угла выворачивает машина, огни фар захлестывают парочку.

– А вот и автомобиль. Едет. Ты можешь спасти Кона, но отныне вы будете чужими друг другу. Чтобы доказать свою любовь к нему, тебе придется от нее отречься. Согласись, есть в этом упоительная симметрия. Таков один сценарий – в нем он жив и ты живешь дальше, понимая, что он любовь всей твоей жизни, но тебя он не знает. Вся боль – лишь твоя.

Эмер увидела салон машины. Запись в телефоне была смонтирована как кино – переключалась с Кона и Ананси на нутро автомобиля, где водитель близоруко набирал СМС сквозь пенсне и поглядывал на дорогу.

– А если не можешь – закрой глаза и ничего не делай. У тебя это славно получается. А когда проснешься, все будет так, словно Кона никогда не существовало. Это другой сценарий. Ты живешь, а Кон устранен.

– Но я не хочу его убивать.

– А чего он с этой паучиной?

– Он пытается создать будущее.

– Будущее с тобой?

– Почему? Почему я? Почему мне досталась эта сделка?

– Потому что любовь твоя – тепловая, а желание – вполсилы да заносчивое. Я из другого времени-пространства, дорогуша, когда от любви чаши переполнялись, когда любовь убивала. Вот что я собой воплощаю. Когда боги с людьми силой мерялись, ссорились да сношались, а отпрыски их союзов бывали жуткие, а иногда и чуждые. То Минотавр, то Геркулес. Где-то выиграешь, где-то проиграешь, покалечит тебя кто, уестествит, съест. Твоя же любовь – это за ручки подержаться, в щечку чмокнуть, двое из “Сиалис” в парных ваннах⁶². Твоя любовь – тепленькая патока на носовом платочке Опры.

– Какого хера?

⁶² Имеется в виду реклама лекарственного препарата “Сиалис” (от эректильной дисфункции); в конце одного из самых известных рекламных роликов “Сиалиса” двое немолодых возлюбленных нежатся в раздельных ваннах с видом на закатное море.

– Когда у тебя последний раз намокали трусики от того, что в комнату вошел твой мужчина?

– Не знаю. Я так не мыслю.

– Почему же? Где твои дамские яйца? Надо помнить, чего ты вообще влюбилась когда-то.

– Я помню...

Эмер открыла рот и собралась заговорить, но ничего не возникло.

Сид ехидно рассмеялся.

– Ты не дашь ему быть мужчиной, а себе – женщиной. Может, ты и права. Может, это я топор точу – сам-то коротковат, и, наверно, от этого не без трудностей, – но признай же, такого отличного разговора у тебя с консьержем отродясь не случалось. И правду не отменишь: вы, люди, потускнели, а мы, боги, заскучали. Ты скучная! Ты – зверь, девица, так, нахер, и живи как зверь. Я не тебя наказываю, а твою разумность, которая отменяет жизнь, и твое обожествление Владыки Посредственности. Природу вечно отрицать не удастся, природа – она отомстит.

Все это застигло Эмер врасплох. Она глянула наружу, на лютый дождь – на весенний дождь, что в миг ясности отмывал городские улицы.

Чуть погода она проговорила:

– Но я правда его люблю.

Сид глубоко вдохнул и кивнул, а затем допил что там у него осталось.

– Ну и смотри тогда, что твоя любовь с ним делает.

На экране телефона водитель автомобиля отвлекается от СМС, но поздно. Резко вывертывает руль, шины визжат на мокром асфальте мимо Ананси, но прут по Кону – с тошнотворным шумом столкновения. Сид ухмылялся, как подросток, кино мерцало...

– О-о-ой-й-й-й-й... а вот это больно.

– Нет! О боже мой! Нет!

– Не волнуйся. Я это предложение делал десятки раз, ты держишься ни плохо, ни хорошо.

– Вы это устраивали другим? Другим женщинам?

– Да и мужчинам. Не надо сексизма. Да, в Нью-Йорке люди исчезают в серой мгле. Например, вот так – из-за любви. Из-за любви и денег. Реальность – навеки любимое реалити-шоу богов. Хотя в прошлом веке я много дел проворачивал на Уолл-стрит. Игроков там полно. Высокорисковые ипотеки, а? То в основном мои прислужники были, помахивали морковками на веревочках – и “бенджаминами”⁶³. Понци⁶⁴ был итальянским Сидом в те дни. Не стоит благодарности.

Эмер плакала. Сид протянул руку, обнял Эмер за плечи и сказал:

– Или – можно нажать на перемотку.

– Что?

– На перемотку. Перемотай само время – на “Самсунге” не получится.

– Да-да, нажать на перемотку.

– Тебе надо нажать, я не могу – таковы правила.

Эмер нажала на стрелки влево, и автомобиль помчал назад – смерть на обратной передаче.

– Круто, – проговорил Сид. – Давай еще разок посмотрим, мощный удар был.

Сид вновь нажал на “плей”, и фигурки на экране занялись тем же, что Эмер уже видела, – водитель строчил СМС, Кон и Ананси шли и смеялись, взявшись за руки, словно так им суждено. Играло вплоть до мига перед столкновением. Эмер нажала на паузу – знак равенства, две параллельные линии, что не соприкоснутся и в бесконечности.

⁶³ Стодолларовая купюра.

⁶⁴ Чарлз Понци (1882–1949) – американский предприниматель итальянского происхождения, строитель финансовой пирамиды, основатель “схемы Понци”.

Сид наблюдал, как Эмер замерла между Сциллой и Харибдой. Заговорил, чтобы подтолкнуть ее туда или сюда:

– Эй, бесхребетина, он себя королем чувствует, сделку заключает с паучихой, с дьяволом, со смертью, с успехом, как ни назови, он взял ее за руку и кто знает за что там еще, он душу свою продает и с тобой не советуется.

Она слушала слова, понимала, что ее мужчина соединился с другой женщиной, условия ей были известны. Она заговорила:

– Нахер его устремления. И нахер его самого.

– Ты будешь ему чужой, понимаешь? И чужой останешься. Совершенно чужой.

– Так. А жить мы будем по-прежнему вместе?

– Ты чего вообще, женщина?

– В смысле, будет оно так, что он проснется завтра утром в постели и меня не узнает – как в кино про парня с амнезией? Мне придется ухаживать за ним, пока не выздоровеет, и в конце концов он полюбит меня сильнее прежнего?

– Это что за драное, прости господи, кино такое? Нет, тут так не будет. Не проснется он у тебя в постели. Никогда. Ты с ним никогда не познакомишься. Он будет жить где-то на планете, и жизнь его с тобой станет смутно памятным сном, и тебе предстоит держаться от него подальше, иначе он все-таки сгинет.

– Ладно, ладно, незачем так раздражаться-то. Правила вовсе не внятные, но хорошо, я теперь поняла. Кажется.

– Ты отказываешься от своих притязаний на его сердце, душу и тело в прошлом, настоящем и будущем. – Он угрожающе наставил палец на иконку “Плей”.

– Да.

– Тогда жми “Стоп”, – торжественно сказал он.

Эмер нажала на “Стоп”.

– Теперь жми “Стереть”.

Эмер нажала еще раз, но попала на “Плей”.

– Черт, это “Плей”!

– Ух ты, ему кранты!

– Нет! Где “Стереть”?

– Это твой телефон. Мне с какого хера знать?

Эмер завозила пальцем по экрану, как ребенок, рисующий на скорость; нашла иконку с мусорным ведром.

– Стереть! – Она все жала и жала и приговаривала: – Стереть! Стереть! Стереть!

– Повторять необязательно. Пальцем достаточно.

– Стереть!

– Стерто.

– Стерто?

– В корзине. Кону жить.

Видео на экране показывало, как автомобиль, избегая столкновения с Коном и Ананси, резко свернул. Фары озарили оторопевшую, но невредимую парочку и двинулись дальше, оставив двоих во тьме. Затем экран почернел.

– Кухулину жить, – проговорила Эмер.

Сид кивнул.

– Мужчине жить. Любви – умереть.

Часть вторая

*[Морж возник] из “Моржа и Плотника”.
“Алиса в Стране чудес”. По-моему, прекрасное
стихотворение... Потом я... осознал, что
морж в этой истории злодей, а плотник —
хороший. Подумал, ой, блин, я не того героя
выбрал. Надо было “Я Плотник”. Но тогда
получилось бы не то же самое, верно?*

Джон Леннон

Эмер-II

Необременительная мазохистская классика соула авторства Айзека Хейза “Иди мимо”, исполненная не менее убийственной и более известной Дионн Уоруик⁶⁵, вытолкала Эмер из глубокого сна горячим дрыном. Эмер схватила с тумбочки телефон в 6:46 утра 21 марта, чтобы мазком пальца выключить будильник, но затем откинулась на подушку. Не подремать, а вспомнить сон, и песня ей в этом помогала.

Эмер отродясь не спала крепко, а вот прошлой ночью дала сна: в матрасе ощущалась вмятина, словно на нем не шевелились часы напролет. Такой сон, как после операции или припадка, – с ней в детстве случалось, а во взрослом возрасте почти нет.

Это напомнило ей учебу в колледже, когда она выкурила столько травы и впала в такую паранойю, что хотела лишь одного – отключиться, а затем проснуться уже трезвой. Закрыла глаза, лежа на матрасе у себя в общежитской комнате, и ощущала, будто проваливается в черноту, нисходит, слой за слоем, сквозь сознание, как якорь, тонущий в океане забвения. Приятно, однако Эмер чувствовала, что набирает слишком большую скорость, как, должно быть, летящее в космосе тело, и улавливала, что под последним, самым глубоким, исполненным забвения слоем сна лежит смерть, за пределами принципа удовольствия, оттуда нет возврата, и если и дальше так падать, она провалится на обратную сторону сна и умрет. В ту ночь в колледже она заставила себя выскочить из постели, даже в своем обдолбанном состоянии убежденная, что спасла себе жизнь.

Но тот опыт Эмер изменил: казалось, она теперь знает, что есть пространства, куда нам обычно нет хода, там действуют другие законы, и физические, и духовные. Такой вот сон, чуяла она, был у нее этой ночью. Такой, что позволяет разделенным мирам – миру грёз, яви и чему-то промежуточному – на миг соприкоснуться. Мертвый сон мертвых.

Что же ей снилось? На тумбочке стояла плошка с растаявшим мороженым. Она помнила, что зачем-то хотела посмотреть Фэллона, однако, судя по всему, уснула. Помнила карлика и сделку; пусть и понимала, что вслух слово “карлик” ей говорить не следует, произносить же его про себя казалось допустимым. У карлика был ирландский акцент и волшебная телефонная трубка. Эмер взяла в руку свой телефон. Проглядела фотоснимки – отец, друзья, картинки с работы, подборка стикеров “сохраняй спокойствие и заполни прочерк”. Ничего странного. Айзек Хейз пел “Иди мимо”, но на деле имел в виду “прошу тебя, останься”... ах да, во сне у нее был парень. Карлик им был? Нет. Человечек был кем-то еще. Ее парень – вот как она поняла, что это все ей приснилось.

⁶⁵ Айзек Ли Хейз-мл. (1942–2008) – американский ритм-энд-блюз-музыкант, композитор, продюсер, аранжировщик, актер. Дионн Уоруик (р. 1940) – американская поп-певица, лауреат пяти премий “Грэмми”. “Walk On By” (1964) – песня из альбома Уоруик “Make Way for Dionne Warwick”.

Открыла ноутбук, завела новый файл, назвала “Большой Сон” и набросала кое-какие воспоминания, хотя, по мере того как сон таял, некоторые образы, возможно, уже оказывались вольными ассоциациями или толкованиями задним числом – *карлик* (на этот раз она набрала слово на экране, и ей от этого стало так себе – но сон же это был, а сны не помуштруешь, думала она, не надо тут судить, пусть будет как есть), волшебный телефон карлика, пауки, там были пауки – или паук, смерть, кто-то мог умереть, любовь, Нобу (Нобу?), да, Нобу (и все блекло, блекло, она уже сомневалась, не выдумывает ли остальное), автомобильная авария, что-то там в рост, сиднем... и... и... ничего не осталось.

Все ночные образы истаяли и растеряли всякую отчетливость, их заменило глубокое, всепоглощающее чувство смутной утраты, потери. Чего потери, она не знала, однако сила утраты ее потрясла. Ощущается как смерть. Эмер теперь уже полностью проснулась, и в тот мир ей не пройти – ни вернуться туда, ни вернуть его. Эмер вернулась. Пора на работу. Пора по пончикам. Идем мимо.

Пока ждала кофе, взяла укулеле и принялась наигрывать “Ровную струю” “Пёрл Джема”⁶⁶, на уке получалось кастрированно, истерически смешно и хулигански. Играть она выучилась сама несколько лет назад и пришла в ужас от того, как часто про это пишут на сайтах знакомств, которые она время от времени просматривала, но не регистрировалась. Играть на укулеле – новая ироничная хипстерская заморочка, типа крафтового пива и всякого прочего бруклинского. Хипстерство она не выносила на дух, а вот укулеле ей нравился – эта трямкающая залихватская невинность и неотвратимые ассоциации с Гавайями и тамошними белыми песчаными пляжами.

Эмер выпила кофе из кружки “Мозгоправы делают это 50 минут” – подарок от подруги Иззи, на кромке скол, поэтому все время приходилось эту кружку поворачивать, иначе можно губу поцарапать. Давным-давно надо было ее выбросить, опасно для здоровья же, но Эмер трудно давалось расставаться с вещами, которые ей нравились, и если вещь была с ней достаточно долго, Эмер начинала приписывать этой вещи чувства. “Бедная кружка-старушка”, – думала она, нельзя выбрасывать вещь в мусор только потому, что она старая и уж не такая, как прежде. Даже если о нее иногда режешься.

⁶⁶ “Even Flow” (1992) – песня американской группы “Pearl Jam” из их дебютного альбома.

Святая Маргарита (Антиохийская)

Эмер преподавала в первых классах Католической школы св. Маргариты в Нижнем Ист-Сайде. Ежеутренне, если боги подземки взирали на Эмер благосклонно, ей доставалось сидячее место, и она озиралась по сторонам в поисках материала для чтения. И опять ей попала реклама конкурса “Мисс Подземка”. Эмер задумалась, какой могла бы оказаться ее краткая биография. “Знакомьтесь: Эмер Ганвейл. “Ганс” – учительница начальных классов, живет одна. Поплачьте за нее”. Нет. “Эмер – в меру счастлива, считает твиттер концом света, не смотрела “Гамильтона”, однако врет про это, а также “тревожится за экологию”. Херня какая. “Знакомьтесь: Ганс – так зовут на фейсбуке нашу новую Королеву Подземки миллионы ее друзей; она обожает фанфики по “Гарри Поттеру”, фруктовые сидры домашнего изготовления и 69 стоя...”

Эмер рассмеялась – она понятия не имела, откуда это взялось. Книги про Гарри Поттера ей даже не нравились. Вот ее понесло-то. Нет, дело не в том, что ей не нравилось 69 стоя или что она не знала, нравится это ей или нет, поскольку ни разу не пробовала, да и толком и не понимала, как это, хотя число позволяло строить довольно отчетливые догадки. Вроде как-то... натужно? У нее самой вообще никакого секса не было уже некоторое время. С другим человеком, участвующим телесно. “Знакомьтесь: Эмер Ганвейл – секса у нее не было уже сколько-то...” Представила, как выполняет стриптизное движение у вертикального поручня посреди вагона, и так оживленно помотала головой, что парень, сидевший рядом, глянул на нее с искренним беспокойством.

Сегодня никаких приставал, раскоряк или Леманов-враслопырку, слава богу. Выбрала себе “Ход мыслей” для чтения.

Не бойся: этот остров полон звуков
И голосов отрадных и безвредных.
Порой как будто сотни инструментов
звонят в моих ушах;
Порой проснусь я, а пенье вновь баюкает меня,
И в сладком сне, раскрывшись, облака
Меня осыпать золотом готовы.
Так это радостно, что, пробудившись,
Я снова сон зову.

Уильям Шекспир. “Шмурия”⁶⁷

Именно так она себя чувствовала сегодня утром, пробудившись от того сна, – звала бы его, как Калибан, чтоб вернуться и погрезить еще. Ох уж этот Билли Шекспир, везде поспел первым, а? Саму родную речь лишил невинности – после того, как Чосер купил ей выпить. Эмер заметила опечатку – подарочек от ГТУ: “Шмурия” вместо “Буря”. Красота какая. “Шмурия” ей нравилась почти так же, как “Шмакбет”, мрачная кровавая повесть о чрезмерно борзой кошелке, или “Шмамлет”, или “Шмон в летнюю ночь” – эта пьеса практически сама себя написала бы, решила Эмер.

Закрыла глаза, прислушалась к рокоту поезда и отогнала от себя латентную клаустрофобию битком набитого вагона. Не бойся, думала она, этот остров Манхэттен полон звуков. Подобный тарарам мог бы превратиться в сокрушительный грохот, и Эмер сознательно разделила эти звуки – рельсы, гул, человеческие голоса, звуки шагов, открытия-закрытия дверей, –

⁶⁷ Акт III, сцена 2, пер. Т. Щепкиной-Куперник.

но и по одному их было слишком много, они мешались с запахами, и возникла синестезия, пот и нездоровое дыхание смешивались с чувствами и их толкованием в единое смятение. Эмер колебалась между отдельностью и единством – отдельными музыкантами в оркестре и слитным целым. А затем сдалась, позволила всему этому нахлынуть. Отчасти понадеялась, что милая подземочная грёза позволит ей вернуться в тот большой сон. Не дала.

Классная комната мисс Эмер Ганвейл располагалась на третьем этаже старого здания, что высилось рядом с тем местом, где когда-то был сад Бревурта⁶⁸. Примерно в 1815 году начали расширять Бродвей и собирались тянуть эту магистраль напрямик через его сад, но Бревурт продавать свою землю отказался. Вот почему Бродвей в районе Десятой и Четырнадцатой улиц искривляется к западу. Эмер много чего знала об истории Бродвея, поскольку заброшенный проект, над которым она работала много лет, был посвящен чужестранным богам в Нью-Йорке, ассимилировавшимся вместе со своими ассимилировавшимися иммигрантскими общинами. Эмер начала писать своего рода квазивымышленную или полужабухную духовную историю города, но затем решила, что порожняк это: она читатель, а не писатель. Впрочем, сама эта тема напомнила ей о том же сне. Да, сон, кажется, смутно очерчивал то же, что и ее давнишние исследования. Вот приколы. В мозгу, как на чердаке, место ограничено, писал поэт Джон Эшбери⁶⁹, однако все-то в нем уместается.

– Доброе утро, мисс Эмер! – нескладным хором сказали дети. Она была из тех женщин, которым больше нравится, когда дети зовут их “Эмер”, но школа Святой Маргариты была из тех учебных заведений, где больше нравится, когда дети зовут Эмер “мисс Ганвейл”, поэтому порешили на золотой середине.

Мисс Эмер была отличной учительницей, в школе и в округе ее ценили, а теперь уже подросшие выпускники заглядывали поблагодарить ее – или же благодарили, повстречав на улице. Странно это – видеть бывшую свою первоклашку, которой теперь слегка за двадцать, она катит перед собой коляску и кричит: “О господи, мисс Эмер!” У бывшей ученицы уже ребенок и муж, она превратилась во взрослого человека, родительницу, а мисс Эмер, по сути, никак не изменилась, просто стала старше. К таким вот случаям, несчастным, но все же заметным, Эмер приходилось себя готовить, от них у нее почти кружилась голова – как от искривления во времени. Она не ощущала потребности выходить замуж и рожать ребенка, но когда видела в какой-нибудь своей бывшей ученице гордость, преображение, ей становилось до странного не по себе. Эмер была счастлива за этого бывшего ребенка, дело не в этом, да и зависти не ощущала, просто смена определений происходила так быстро, что Эмер не успевала приспособиться. Двадцатидвухлетняя шестилетняя девочка позанималась сексом и родила – ребенок стал матерью. Подобные чокнутые мысли сбивали Эмер с толку.

От давнишнего своего парня Эмер пару раз беременела, после второго выскабливания осталось много рубцов, и ей сказали, что забеременеть еще раз будет “очень трудно”. В общем, не случится – по крайней мере, в этой жизни, даже если она успеет до финишной черты найти себе подходящего спутника, но Эмер хватало детей в школе, чтобы быть им всем “матерью”. Она учила их читать. Делилась с ними самым любимым своим делом.

Все начиналось с “Песенки гласных”. Эмер запевала: “А-Э-И-О-У, А-Э-И-О-У – скажем-ка наши гласные, споем-ка наши гласные”. Обнаружив, что письменно учить читать противоречит тому, как это звучит для детей фонетически, Эмер сочинила мелодийку. Она пела не “Эй-И-Ай-Оу-Ю (и иногда Уай)”⁷⁰, а “А-Э-И-О-У” – как оно произносится, а не пишется. За

⁶⁸ Голландская семья Бревурт переехала в Новый Свет в первой половине XVII в. и обосновалась на территории современного Бруклина; Хенри Бревурт-ст. (1747–1841) был первым хозяином тех земель, о которых идет речь в тексте; потомки Бревуртов вернулись в Бруклин лишь в 1845 году.

⁶⁹ Джон Лоренс Эшбери (1927–2017) – американский поэт-постмодернист и сюрреалист, автор более двадцати сборников стихов, обладатель едва ли не всех престижных американских поэтических премий, в том числе и Пулитцеровской (1976).

⁷⁰ Названия английских букв “А”, “Е”, “I”, “О”, “U” (и “Y”).

многие годы выяснилось, что фонетический подход и уж тем более песенка очень действенны. Эмер по-прежнему плакала, когда ребенок впервые начинал читать. Словно она помогла этому ребенку примкнуть к роду человеческому и к жизни ума, поставила штамп в его паспорте подросшего человека.

И все-таки в последний год, запоздало уступая времени, она предложила детям рэп-версию “Песенки гласных”, и при воспоминании об этом загрибок у нее пылал от стыда. Она что, правда спела “А-Э-И-О-У и иногда Йоу-Йоу-Йоу”? Спела. Божечки, спела. Позорище в ее же уме. Но дети были в восторге.

Она принялась петь “Песенку гласных” и тут же заметила, что новенькая, бледная белокурая малютка по имени Люси, принялась ерзать и возиться – красноречивый намек на то, что ребенку хочется писать. Эмер примолкла и спросила:

– Люси, тебе надо в туалет?

Люси закусила губу и покачала головой – нет. Эмер кивнула, и все продолжили петь. Минут через двадцать дети разделились на группы и занялись своими заданиями, Эмер, видя, что Люси по-прежнему возится на стуле, вновь спросила у нее, не надо ли ей в туалет. Люси повторила – не надо. И тут Эмер заметила, что под стулом у Люси лужа, а с бледных ног девочки капает желтоватая моча, синие форменные носочки и туфельки потемнели. Эмер улыбнулась, подошла и взяла Люси за руку.

– Пойдем, – прошептала она, – давай тебя помоем, ага?

Девочка – глаза мокрые, сама одеревеневшая – молча кивнула, схватила за руку Эмер и позволила вывести себя из класса.

Добравшись в уборную, Эмер помогла девочке снять сырые трусы и попросила никуда не уходить, а сама ринулась в кладовку за свежим коричневым форменным свитером. На обратном пути сунула голову в класс – проверить, не начались ли бесчинства. То, что она увидела, ее ошарашило.

Похоже, дети взялись за дело, как только учительница и ее подопечная вышли. Ученики вытерли пол и парту бумажными полотенцами, позаимствованными в уголке рукоделия. Они так увлеклись уборкой любых следов конфуза, что не заметили Эмер в дверях. Трудились дети молча, каждый сам по себе, но в полной гармонии, словно рой пчел. Эмер шагнула обратно в коридор, чтобы ученики не услышали, как она охает, а затем давится внезапно накатившими слезами. До чего же растрогала ее щедрость этого маленького народца, их природное сочувствие. Само собой, эти дети нередко бывали и гаденышами, но вот этот миг опосредованного сострадания разбил Эмер сердце надвое.

Когда она вернулась в уборную, девочка успела расстроено скомкать грязную форму. Эмер просто сказала, что все в порядке.

– Все хорошо, Люси, – проговорила она. – Со мной тоже такое случалось, да и со всеми.

Девочка переоделась в чистый свитер, и они вернулись в класс как ни в чем не бывало – и, судя по тому, как все выглядело, ни в чем и не бывало.

В обед Эмер рассказала своей подруге Иззи Моргенстерн, школьному психологу, что случилось, и Иззи, человек более жесткий, чем Эмер, усмотрела в этом не столько сострадание, сколько коллективный стыд. Назвала это “прикрывательством”:

– Ты наблюдала развитое чувство стыда у маленьких запрограммированных роботов – оно уже инстинктивно, а это чудовищно. Выдался вам педагогический случай, миссис Чипс⁷¹, и вы его профукали.

– Да ладно тебе, Иззи, это же красиво – красивый коллективный жест.

⁷¹ Отсылка к психологической повести о жизни школьного учителя “Прощайте, мистер Чипс” (1934) английского прозаика и сценариста Джеймза Хилтона (1900–1954).

– Они действовали из ненависти к телу, как подавленные буржуазные взрослые; замели уродство, то, что есть по-настоящему, под ковер, для отвода глаз.

– Это было трогательно.

– Давайте лакировать хуи, пизды, ссаки и сраки.

– Я ем.

– Сегодня они утратили невинность.

– А мне кажется, они немножко повзрослели – в здоровом смысле слова.

– А как же девочка, которая описалась, а затем увидела, что все исчезло как по волшебству? Как же ее стыд, ее бессловесность?

Эмер показала на стол в обеденном зале, где малышка Люси ела в немаленькой компании друзей, все там смеялись и болтали друг с дружкой, без всякого намека на то, что случилось сегодня утром.

– Она, конечно, вся бедная-несчастливая, да?

– Ненавижу, когда верх берут буржуазные ценности. Молодец, в общем. Давай теперь о “Девчонках”⁷², а?

Иззи в своем порицании была серьезна, но лишь наполовину. Ей нравилось изображать из себя рупор марксизма, но роль эта нравилась Иззи скорее оттого, что она понимала, до чего здорово та ей дается. Знала, что Эмер этот спектакль тоже нравится. Рядом с Иззи Эмер чувствовала себя отважной – или же ей казалось, что в присутствии подруги она способна выходить за рамки и нарушать правила, хотя всамделишных хулиганств никогда не вытворяла.

– Эй, слушай, Иззи, я тебе прошлым вечером не звонила? – спросила она.

– Типа по телефону?

– Ага.

– Вряд ли.

– Хм.

– Хм?

– Мне приснился отчетливейший сон... в нем не мир поменялся или начал подчиняться другим законам, а я изменилась, была другим человеком в другой жизни. У меня никогда раньше таких снов не бывало.

– Сообщи прессе.

– Ну чего ты?

– Извини, но это ж смертная скукотинка хуже не бывает – выслушивать пересказ чужого сна. Что там у тебя? Единорог, что ли, наблевал радугой и насрал “Старбёрстом”⁷³ Обалдеть...

Обе посмеялись.

– У меня во сне был парень.

– Ничего, если я с собой покончу сейчас же?

– Знаешь, ты не очень хороший психолог.

– Я либо хороший мозговед, либо хорошая подруга. Не обе разом. Выбирай.

Эмер выбрала.

– Подруга.

⁷² “Girls” (с 2012) – американский комедийно-драматический телесериал на канале Эйч-би-оу.

⁷³ “Starburst” (с 1960) – американская марка разноцветных конфет-тянучек производства компании “Марс”.

Джимми Ганвейл

По дороге с работы домой Эмер зашла провести своего восьмидесятиоднолетнего отца. Старик страдал от зачаточного маразма и обитал в доме престарелых на углу Риверсайда и Восемьдесят шестой. Там было чертовски здорово – вид на реку, круглосуточный присмотр, оплачиваемый в основном из страховки и истощавшихся отцовых сбережений, – но все равно уныло. Персонал из всех сил старался постоянно занимать шаркавших, тряских обитателей, составлял им программы фильмов, прогулок, поездок в музеи, концертов школьных оркестров. Черепашня бурная деятельность в этом заведении вызывала у Эмер противоположное чувство: неотвратимо давала понять, что этим людям нечем, ну совершенно нечем заняться. Она появлялась здесь, и ей казалось, что мир переходил на замедленную съемку. Восемьдесят шестая улица – последняя остановка поезда смертности, экспресса “Забвение”.

Эмер обнаружила отца на кровати – как обычно, он смотрел “Новости Фокс” вместе со своей медсестрой-филиппинкой по имени Джинь-джинь (Эванджелина). Эмер воскликнула с деланным гневом:

– “Фокс”? Джинь... чего это?

– Ему хорошо, – отозвалась Джинь-джинь. – Может понимать.

Так и было: старик любил смотреть “Фокс” и профессиональный рестлинг. Эмер подумала, что разница между первым и вторым небольшая: всегда знаешь, кто тут наш, а кто гад.

Эмер больше нравилось читать отцу, как он читал ей, когда она была маленькой. Поговорила с врачами, сведущими в процессах старения, ей объяснили, что память о занятиях музыкой или танцами, глубоко впитанную мышечной памятью и облаченную в миелин юности, доставать проще, чем другое знание, и что участие в таких занятиях ненадолго и урывками возвращает молодость. Как в книгах Оливера Сакса. Такой вот миг из “Цветов для Элджернона”. Женщина, чье сознание и личность, кажется, утрачены, танцует вальс безошибочно и в ритм – и внезапно возвращается к себе самой на те мгновения, что движется, пока танцует, пока поет. Эмер надеялась, что так же подействует на отца чтение. Но чаще всего он лишь делал “Фокс” погромче.

Альтернатива “Новостям Фокс” – монолог Джинь-джинь, галлюциногенная смесь “Больницы”⁷⁴ и других мыльных опер со здоровой дозой филиппинского фольклора, своеобразная добавка от Маленькой Манилы, Вудсайд, Квинс. Эмер помнила, как она однажды нарвалась на обсуждение мананангала: отец спорил со своей сиделкой и был на редкость оживлен. Это было тем более странно, поскольку Джеймз Ганвейл почти всю свою взрослую жизнь был привержен католицизму. Именно Джиму Ганвейлу восьмилетняя Эмер объявила как-то раз за ужином, что собирается стать священником. Мать ушла из-за стола и предоставила отцу объяснять, что эта профессиональная стезя для женщин закрыта.

– Можешь заделаться монахиней, – сказал он тогда.

Эмер изучила вопрос и осознала, что и впрямь католическим священником ей не быть, а потому решила стать священником пресвитерианским. Отца это не обрадовало.

– Через мой блядский труп, – отрезал он.

И вот это ранило Эмер до глубины души – этот разрыв с отцом в черно-белых тонах юного ума: недотягивает она, ни в отцовских глазах, ни в божественных, поскольку девчонка, и она по-своему очень лично, необратимо и упрямо восстала против Бога. Не желает она служить, и ее *non serviam*⁷⁵ обрело вид зачитанного до загнутых уголков, пожелтевшего тома в бумажной

⁷⁴ “General Hospital” (с 1963) – американский медицинский телесериал на канале Эй-би-си, один из самых продолжительных сериалов американского телевидения.

⁷⁵ Не буду служить (*библ., лат.*) – фраза Люцифера, адресованная Богу.

обложке – “Мифология: нетленные истории о богах и героях” Идит Хэмилтон⁷⁶. Эта книга заменила Эмер Библию.

И тот же догматик Джим Ганвейл, который скорее умрет, чем увидит, как его дочь впала в протестантизм, теперь пылко увлекался языческим фольклором Джинь-джинь. Судя по всему, мананангал – злобное чудище-людоед, способное отрывать собственное туловище от ног, выпускать здоровенные крылья, как у летучей мыши, и парить в ночи в поисках жертвы. Добыча этого чудища – в основном спящие беременные женщины, мананангал выпускает свой язык-хоботок и высасывает сердце плода. Эмер с облегчением узнала, что мананангал, как и балканский вампир, не выносит чеснок и солнечный свет. Вот поэтому у отца над изголовьем висят чесночные зубчики.

Эмер склонилась к отцу и сказала:

– Привет, пап.

Он вытянул шею, словно дочерина голова заслоняла на телеэкране что-то очень важное, а не вот этот сморщенный большой палец в парике из натуральных волос – Шона Хэннити⁷⁷. Эмер полистала свою библиотеку “Киндл”, искала, что бы такого почитать отцу, надеясь, что завладеет его вниманием прежде, чем появится очередная напыщенная говорящая голова.

Не замечая Эмер, отец сказал:

– Не могу вспомнить. Не могу...

– Что не можешь вспомнить, папуль?

– Не могу вспомнить, когда в последний раз с кем-нибудь переспал.

– Ой-ёй, пап.

Джинь-джинь захихикала, как дебютантка:

– Ой, мистер Ганвейл.

– Не будь такой цацей, Билл.

– Я женщина, папуль.

– Еще бы, Билл, если тебе так нравится. Тут-то и конец всей Америке. Брюс Дженнер⁷⁸.

Не желаю я говорить “Кейтлин”.

– Все нормально, папуль, говорить “Кейтлин” необязательно.

⁷⁶ “Mythology: Timeless Tales of Gods and Heroes” (1942); Идит Хэмилтон (1867–1963) – американский просветитель и писательница, один из самых известных в США классицистов своего времени.

⁷⁷ Шон Патрик Хэннити (р. 1961) – американский телеведущий, консервативный политический комментатор.

⁷⁸ Кейтлин Мари Дженнер (ур. Уильям Брюс Дженнер, 1949) – американская телезвезда и (до физической смены пола с мужского на женский) олимпийский чемпион мира по десятиборью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.